

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева

Стихотворения

1908–1915

Книги в красном переплете
Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
– Уж поздно! – Мама, десять строк!..
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки..
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана, Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо..
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры..
Кладбище... Вещий крик совы..
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона..
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник,
Британии печальны судьбы..
– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О, золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и нищий!
<1908–1910> [1]

В Париже

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.
Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас.
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.
Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана,
Как там, в покинутой Москве.
Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый привет.
Там чей-то взор печально-братский,
Там нежный профиль на стене.
Ростан, и мученик-Рейхштадтский,
И Сара – все придут во сне!
В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль, как прежде, глубока.
Июнь 1909, Париж
Они и мы

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Героини испанских преданий
Умирили, любя,
Без укоров, без слез, без рыданий.
Мы же детски боимся страданий
И умеем лишь плакать, любя.
Пышность замков, разгульность охоты,
Испытанья тюрьмы, –
Всё нас манит, но спросят нас: «Кто ты?»
Мы согнать не сумеем дремоты.
Мы сказать не сумеем, кто мы.
Мы все книги подряд, все напевы!
Потому на заре
Детский грех непонятен нам Евы.
Потому, как испанские девы,
Мы не гибнем, любя, на костре.
Следующей
Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, –
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика, баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятые не буди.
Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат.
Коснись его движением сестер.
Но если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!
Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнью не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

<1909–1910>

Исповедь
Улыбаясь, милым крошкой звали,
Для игры сажали на колени...
Я дрожал от их прикосновений
И не смел уйти, уже неправый.
А они упрямяца для забавы
Целовали!
В их очах я видел океаны,
В их речах я пенье ночи слышал.
«Ты поэт у нас! В кого ты вышел?»
Сколько горечи в таких вопросах!
Ведь ко мне клонился в темных косах
Лик Татьяны!
На заре я приносил букеты,
У дверей шепча с последней дрожью:
«Если да, – зачем же мучить ложью?
Если нет, – зачем же целовали?»
А они с улыбкою давали
Мне конфеты.
Очаг мудреца
Не поэтом он был: в незнакомом
Не искал позабытых созвучий,
Без гнева на звезды и тучи
Наклонялся над греческим томом.
За окнами жизнь засыпала,
Уступала забвенью измена,
За окнами пышная пена
За фонтаном фонтан рассыпала.
В тот вечер случилось (ведь – странно,
Мы не знаем грядущего мига!),
Что с колен его мудрая книга
На ковер соскользнула нежданно.
И комната стала каютой,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Где душа говорит с тишиною..
Он плыл, убаюкан волною,
Окруженный волненьем и смутой.
Дорогие, знакомые виды
Из рам потемневших кивали,
А за окнами там проплывали
И вздыхали, пlying, Нереиды.
«Мы с тобою лишь два отголоска...»
Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.
Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.
Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, –
Только тайны утраченной жаль!
От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

<1911>

Путь креста
Сколько светлых возможностей ты погубил, не желая.
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд.
Лучезарного дня после стольких мучений ждала я,
Получила лишь крест.
Что горело во мне? Назови это чувство любовью,
Если хочешь, иль сном, только правды от сердца не скрой:
Я сумела бы, друг, подойти к твоему изголовью
Осторожной сестрой.
Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко и смело,
Ни любимых имен, ни безумно-оплаканых книг.
Как больное дитя, я тебя б убаюкать сумела
В неутешенный миг.
Сколько светлых возможностей, милый, и сколько смятений!
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд..
Но во имя твое я без слез – мне свидетели тени –
Поднимаю свой крест.
Не в нашей власти
Возвращение в жизнь – не обман, не измена.
Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!» чуть дыша,
Все же сердце вернется из плена,
И вернется душа.
Эти речи в бреду не обманны, не лживы,
(Разве может солгать, – ошибается бред!)
Но проходят недели, – мы живы,
Забывая обет.
В этот миг расставанья мучительно-скорый
Нам казалось: на солнце навек пелена,
Нам казалось: подвинутся горы,
И погаснет луна.
В этот горестный миг – на печаль или радость –
Мы и душу и сердце, мы всё отдаем,
Прозревая великую сладость
В отрешенье своем.
К утешителю-сну стираются руки,
Мы томительно спим от зари до зари..
Но за дверью знакомые звуки:
«Мы пришли, отвори!»
В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смеется над пленом,
И смеется душа!
Резеда и роза

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Один маня, другой с полуугрозой,
Идут цветы блестящей чередой.
Мы на заре клянемся только розой,
Но в поздний час мы дышим резедой.
Один в пути пленяется мимозой,
Другому ландыш мил, блестя в росе. –
Но на заре мы дышим только розой,
Но резедою мы кончаем все!

Два исхода

1

Со мной в ночи шептались тени,
Ко мне ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, –
А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.
Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Я не жила, – так было встарь.
Что было встарь, то будет снова.

2

С тобой в ночи шептались тени,
К тебе ласкались кольца дыма,
Ты знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, –
А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.
Ты трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Ты не жила, – так было встарь.
Что было встарь, – не будет снова.

Зимняя сказка

«Не уходи», они шепнули с лаской,
«Будь с нами весь!
Ты видишь сам, какой нежданной сказкой
Ты встречен здесь».
«О, подожди», они просили нежно,
С мольбою рук.
«Смотри, темно на улицах и снежно...
Останься, друг!
О, не буди! На улицах морозно...
Нам нужен сон!»
Но этот крик последний слишком поздно
Расслышал он.
«И уж опять они в полуистоме...»
И уж опять они в полуистоме
О каждом сне волнуются тайком;
И уж опять в полууснувшем доме
Ведут беседу с давним дневником.
Опять под музыку на маленьком диване
Звенит-звучит таинственный рассказ
О рудниках, о мертвом караване,
О подземелье, где зарыт алмаз.
Улыбка сумерок, как прежде, в окна льется;
Как прежде, им о лампе думать лень;
И уж опять из темного колодца
Встает Ундины плачущая тень.
Да, мы по-прежнему мечтою сердце лечим,
В недетский бред вплетая детства нить,
Но близок день, – и станет грезить нечем,
Как и теперь уже нам нечем жить!
Декабрьская сказка
Мы слишком молоды, чтобы простить
Тому, кто в нас развеял чары.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но, чтоб о нем, ушедшем, не грустить.
Мы слишком стары!
Был замок розовый, как зимняя заря,
Как мир – большой, как ветер – древний.
Мы были дочери почти царя,
Почти царевны.
Отец – волшебник был, седой и злой;
Мы, рассердясь, его сковали;
По вечерам, склоняясь над золой,
Мы колдовали;
Оленя быстрого из рога пили кровь,
Сердца разглядывали в лупы...
А тот, кто верить мог, что есть любовь,
Казался глупый.
Однажды вечером пришел из тьмы
Печальный принц в одежде серой.
Он говорил без веры, ах, а мы
внимали с верой.
Рассвет декабрьский глядел в окно,
Алели робким светом дали...
Ему спалось и было всё равно,
что мы страдали!
Мы слишком молоды, чтобы забыть
Того, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб опять так нежно полюбить –
Мы слишком стары!
Дикая воля
я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
и орлы!
Чтобы пел надменный голос:
«Гибель здесь, а там тюрьма!»
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!
Я несусь, – за мною пасти,
Я смеюсь, – в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
ураган!
Чтобы все враги – герои!
Чтоб войной кончился пир!
Чтобы в мире было двое:
я и мир!
Слезы
Слезы? Мы плачем о темной передней,
Где канделябра никто не зажег;
Плачем о том, что на крыше соседней
Стаял снежок;
Плачем о юных, о вешних березках,
О несмолкающем звоне в тени;
Плачем, как дети, о всех отголосках
В майские дни.
Только слезами мы путь обозначим
В мир упоений, не данный судьбой...
И над озябшим котенком мы плачем,
Как над собой.
Отнято все, – и покой и молчанье.
Милый, ты много из сердца унес!
Но не сумел унести на прощанье
Нескольких слез.
Aeternum vale
Aeternum vale! Сброшен крест!
Иду искать под новым бредом
И новых бездн и новых звезд,
От поражения – к победам!
Aeternum vale! Дух окреп
И новым сном из сна разбужен.
я вся – любовь, и мягкий хлеб

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дареной дружбы мне не нужен.
Aeternum vale! В путь иной
Меня ведет иная твердость.
Меж нами вечною стеной
Неумолимо встала – гордость.
Только девочка
Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк,
И помнить: я – овца.
Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.
В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, – молчу.
Ах, если бы и мне
Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!
Жажда
Лидии Александровне Тамбурер

Наше сердце тоскует о пире
И не спорит и всё позволяет.
Почему же ничто в этом мире
Не утоляет?
И рубины, и розы, и лица, –
Всё вблизи безнадежно тускнеет.
Наше сердце о книги пылится,
Но не умнеет.
Вот и юг, – мы томились по зною...
Был он дерзок, – теперь умоляет...
Почему же ничто под луною
Не утоляет?
Душа и имя
Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!
В круженье вальса, под нежный вздох
Забыть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!
Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!
«Бежит тропинка с бугорка...»
Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Все так же сонными лугами
Лениво движется Ока;
Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.
О, дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.
Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...
<1911–1912>

Хочу у зеркала, где мать... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Старуха

Слово странное – старуха!
Смысл неясен, звук угрюм,
Как для розового уха
Темной раковины шум.
В нем – непонятое всеми,
Кто – мгновения экран.
В этом слове дышит время.
В раковине – океан.
<1911–1912>

Домики старой Москвы
Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Всё исчезаете вы,
Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?
Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,
Кудри, склоненные к пальцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!
Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.
Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.
<1911–1912>

«Стать тем, что никому не мило...»
Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед! –
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,
Забыть, как сердце расколосось –
И вновь срослось,
Забыть свои слова, и голос,
И блеск волос.
Браслет из бирюзы старинной –
На стебельке:
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...
Как, зарисовывая тучку
Издалика,
За перламутровую ручку
Бралась рука,
Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.
Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!
Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.
И не раскроются – так надо –
– О, пожалей! –
Ни для заката, ни для взгляда,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ни для полей –
Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! –
Моя земля, прости навеки,
На все века!
И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.
Сочельник, 1913, Феодосия
«Идешь, на меня похожий...»
Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.
Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!
И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!
Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, –
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.
Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.
Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.
3 мая 1913, Коктебель
«Вы, идущие мимо меня...»
Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, –
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,
И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.
О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –
Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.
17 мая 1913
«Мальчиком, бегущим резво...»
Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:
«Шалость – жизнь мне, имя – шалость!»
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.
Вас притягивали луны

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Двух огромных глаз.
Слишком розовой и юной
Я была для Вас!
Тающая легче снега,
Я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,
Скрип песка под зубом или
Стали по стеклу...
Только Вы не уловили
Грозную стрелу
Легких слов моих и нежность
Гнева напоказ...
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!
19 мая 1913

«Моим стихам, написанным так рано...»
Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти –
Нечитанным стихам! –
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Май 1913, коктебель
«Я сейчас лежу ничком...»
Я сейчас лежу ничком
– Взбешенная! – на постели.
Если бы вы захотели
Быть моим учеником,
Я бы стала в тот же миг.
– Слышите, мой ученик? –
В золоте и серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.
Ночь, огонь и лунный лик...
– Слышите, мой ученик? –
И безудержно – мой конь
Любит бешеную скачку! –
Я метала бы в огонь
Прошлого – за пачкой пачку:
Старых роз и старых книг.
– Слышите, мой ученик? –
А когда бы улеглась
Эта пепельная грудка, –
Господи, какое чудо
Я бы сделала из вас!
Юношей воскрес старик!
– Слышите, мой ученик? –
А когда бы вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки,
Чувствуя, что ты – велик!
– Слышите, мой ученик?

1 июня 1913
«Идите же! – мой голос нем...»
Идите же! – мой голос нем,
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.
Я знаю: в этой битве пасть

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.
И не оспаривает вас
Высокородный стих.

Вы можете – из-за других –
Моих не видеть глаз,
Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...

(Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!)
Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла!

11 июля 1913

Встреча с Пушкиным

Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.
Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.
Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба... –
Точно стеклянная, на повороте
Продребезжала арба... –
Запах – из детства – какого-то дыма
Или каких-то племен...

Очарование прежнего Крыма

Пушкинских милых времен.
Пушкин! – Ты знал бы по первому слову,
Кто у тебя на пути!
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти...
Не опираясь на смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,
Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны, –
Каждого встречного пса! –
Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаще аллеи,
Марионеток и звук тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,
Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.
Эти слова: никогда и навеки,
За колесом – колею...
Смуглые руки и синие реки,
Ах, – Мариулу твою!
Треск барабана – мундир властелина –
Окна дворцов и карет,
Роши в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...
Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В зеркале... – Как я люблю..
Кончено... – Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз..
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.
Мы помолчали бы оба – не так ли? –
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.
И – потому, что от худшей печали
Шаг – и не больше! – к игре,
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

1 октября 1913

«Уж сколько их упало в эту бездну...»
Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности Земли.
Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь, с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!
Изменчивой, как дети, в каждой mine
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,
Виолончель, и кавалькады в чаще,
И колокол в селе..
– Меня, такой живой и настоящей,
На ласковой земле!
К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.
И день, и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет.
За то, что мне прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,
За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру..
Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.
8 декабря 1913
Генералам двенадцатого года
Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, –
Очаровательные франты
Минувших лет!
Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.
Вас охраняла длань Господня

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И сердце матери, – вчера
Малютки-мальчишки, сегодня –
Офицера!
Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

...
Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.
И Вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...
О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.
В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.
Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!
Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.
Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее –
И весело переходили
В небытие.
26 декабря 1913, Феодосия
«Над Феодосией угас навеки этот день весенний...»
Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.
Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли.
И опустились и повисли
Две тоненьких мои руки.
Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.
И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.
Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.
14 февраля 1914, Феодосия
С. Э
Я с вызовом ношу его кольцо!
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге! –
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.
Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Он тонок первой тонкостью ветвей.

Его глаза – прекрасно-бесполезны! –

Под крыльями раскинутых бровей –

Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,

– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –

Такие – в роковые времена –

Слагают стансы – и идут на плаху.

3 июня 1914, Коктебель

«Не думаю, не жалею, не спорю...»

Не думаю, не жалею, не спорю.

Не сплю.

Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,

Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,

Как зелено в саду.

Давно желанного ижданного подарка

Не жду.

Не радуют ни утро, ни трамвая

Звенящий бег.

Живу, не видя дня, позабывая

Число и век.

На, кажется, надрезанном канате

Я – маленький плясун.

Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик

Двух темных лун.

13 июля 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,

Черного платья раструбы...

Юная бабушка! – Кто целовал

Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца

Вальсы Шопена играли...

По сторонам ледяного лица –

Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд,

Взгляд, к обороне готовый.

Юные женщины так не глядят.

Юная бабушка, кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли,

И невозможностей – сколько? –

В ненасытимую прорву земли,

Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж,

Темные звезды погасли.

– Бабушка! – Этот жестокий мятеж

В сердце моем – не от вас ли?...

4 сентября 1914

«Осыпались листья над Вашей могилой...»

п. э.

Осыпались листья над Вашей могилой,

И пахнет зимой.

Послушайте, мертвый, послушайте, милый:

Вы все-таки мой.

Смеетесь! – в блаженной крылатке дорожной!

Луна высока.

Мой – так несомненно и так непреложно,

Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано

К больничным дверям.

Вы просто уехали в жаркие страны,

К великим морям.

Я вас целовала! Я вам колдовала!

Смеюсь над загробною тьмой!

Я смерти не верю! Я жду вас с вокзала –

домой!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.

И, если для целого мира Вы мёртвы,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду.

– Что ленты от Ваших венков! –

Я Вас не забыла и Вас не забуду

Во веки веков.

Таких обещаний я знаю бесцельность,

Я знаю тщету.

– Письмо в бесконечность.

– Письмо в беспредельность. –

Письмо в пустоту.

4 октября 1914

«Сегодня таяло, сегодня я простояла у окна...»

Сегодня таяло, сегодня

Я простояла у окна.

Ум – отрезвленной, грудь свободней,

Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,

Устала попросту душа

И как-то не хотелось трогать

Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане –

Далекая добру и злу,

Тихонько пальцем барабаня

По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,

Чем первый встречный: этот вот, –

Чем перламутровые лужи,

Где расплескался небосвод.

Чем пролетающая птица

И попросту бегущий пес.

И даже нищая певица

Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство

Душой усвоено уже.

Какое-то большое чувство

Сегодня таяло в душе.

4 октября 1914

Подруга

1

Вам одеваться было лень

И было лень вставать из кресел.

– А каждый Ваш грядущий день

Моим весельем был бы весел!

Особенно смущало Вас

Идти так поздно в ночь и холод.

– А каждый Ваш грядущий час

Моим весельем был бы молод!

Вы это сделали без зла,

Невинно и непоправимо.

– Я Вашей юностью была,

Которая проходит мимо.

25 октября 1914

2

Сини подмосковные холмы,

В воздухе чуть теплом – пышь и деготь.

Сплю весь день, весь день смеюсь, – должно быть,

Выздоровливаю от зимы.

Я иду домой возможно тише.

Ненаписанных стихов – не жаль!

Стук колес и жареный миндаль

Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,

Оттого что сердце – слишком полно!

Дни мои, как маленькие волны,

На которые гляжу с моста.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе, едва нагретом...
– Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.
13 марта 1915

3
Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.
Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...
Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...
– Благословляю Вас на все
четыре стороны!

3 мая 1915
«Безумье – и благоразумье...»
Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть –
Во мне! – Все каторжные страсти
Слились в одну!
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну!
Я знаю весь любовный шепот
– Ах, наизусть! –
Мой двадцатидвухлетний опыт –
Сплошная грусть!
Но облик мой – невинно-розов,
– Что ни скажи! –
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.
В ней, запускаемой как мячик,
– Ловимой вновь! –
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.
Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет...
От скрипки – от автомобиля –
Шелков, огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!
От боли, что не я – невеста
У жениха!
От жеста и стиха – для жеста
И для стиха!
От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, – раз голос мой нежнее,
Когда я лгу...

3 января 1915
«Мне нравится, что Вы больны не мной...»
Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.
Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: Аллилуйя!
Спасибо Вам, и сердцем и рукой,
За то, что Вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши негулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, –
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами!

3 мая 1915

«Какой-нибудь предок мой был – скрипач...»
Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром?
Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Винючник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый?
Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был – лихой
И ласковый был любовник!
Любитель трубки, луны и бус
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что – трус
Был мой желтоглазый предок.
Что, душу чёрту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем.
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем,
Что не однажды из-за угла
Он прыгал – как кошка, гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он не играл на скрипке!
И было все ему нипочем,
Как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким поэтом.

23 июня 1915

«Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»
Заповедей не блюла, не ходила к причастью,
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду грешить – как грешу – как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами – всеми пятью!
Други! Сообщники! Вы, чьи наущения – жгучи!
Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, –
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!
26 сентября 1915

«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!..»
Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться!
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?
Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землю скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.
3 октября 1915

«Два солнца стынут, – о Господи, пощади!..»
Два солнца стынут, – о Господи, пощади! –
Одно – на небе, другое – в моей груди.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как эти солнца, – прощу ли себе сама? –
Как эти солнца сводили меня с ума!
И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.
5 октября 1915

«Цыганская страсть разлуки!..»
Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:
Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны.
Октябрь 1915
1916[2]

«Никто ничего не отнял...»
Никто ничего не отнял –
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас через сотни
Разъединяющих верст.
Я знаю: наш дар – неравен.
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!
На страшный полет крещу Вас:
– Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжел?
Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.
12 февраля 1916

«Ты запрокидываешь голову...»
Ты запрокидываешь голову –
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!
Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.
Чьи руки бережные трогали
Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста –
Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол сию мечту.
В тебе божественного мальчика –
Десятилетнего я чту.
Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...
Мальчишескую боль высвистывай
И сердце зажимай в горсти...
– Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!
18 февраля 1916

«Откуда такая нежность?..»
Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала – темней твоих.
Всходили и гасли звезды
(Откуда такая нежность?),
Всходили и гасли очи

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
У самых моих очей.

Еще не такие песни
Я слушала ночью темной
(Откуда такая нежность?) –
На самой груди певца.
Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?
18 февраля 1916
Стихи о Москве[3]

1
Облака – вокруг,
Купола – вокруг.
Надо всей Москвой –
Сколько хватит рук! –
Возношу тебя, бремя лучшее,
Дерево мое
Невесомое!
В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой мне
Будет радостно, –
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!
Ты постом – говей,
Не сурьми бровей,
И все сорок – чти –
Сороков церквей.
Исходи пешком – молодым шажком! –
Все привольное
Семихолмие.
Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же – вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние
На Ваганькове.
31 марта 1916

2
Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.
По церковке – все сорок сороков
И реющих над ними голубков;
И Спасские – с цветами – ворота,
Где шапка православного снята;
Часовню звездную – приют от зол –
Где вытертый – от поцелуев – пол;
Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.
К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.
Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,
И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,
И встанешь ты, исполнен дивных сил...
– Ты не расскаешься, что ты меня любил.
31 марта 1916

4
Настанет день, – печальный, говорят! –
Отцарствуют, отплачут, отгорят, –
Остужены чужими пятаками, –
Мои глаза, подвижные, как пламя.
И – двойника нащупавший двойник –
Сквозь легкое лицо проступит – лик.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!
А издали – завизжу ли и вас? –
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.
На ваши поцелуи, о живые,
Я ничего не возражу – впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску.
Святая у меня сегодня Пасха.
По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, –
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной боярыне Марине.
11 апреля 1916

5

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.
Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.
Царю Петру и Вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари: колокола.
Пока они гремят из синева –
Неоспоримо первенство Москвы.
– И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!
28 мая 1916

8

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.
Клеймо позорит плечи,
За голенищем – нож.
Издадека-далече –
Ты все же позовешь.
На каторжные клейма,
На всякую болесьть –
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.
А вон за тою дверцей,
Куда народ валит,
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.
И льется аллилуйя
На смуглые поля.
– Я в грудь тебя целую,
Московская земля!
8 июля 1916, Александров

9

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.
Мне и донныне
Хочется грызть

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Жаркой рябины
Горькую кисть.
16 августа 1916
Бессоница

1

Обвела мне глаза кольцом
Теневым – бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.
То-то же! По ночам
Не молись – идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.
Мало – тебе – дня,
Солнечного огня!
Пару моих колец
Носи, бледноликая!
Кликала – и накликала
Теневой венец.
Мало – меня – звала?
Мало – со мной – спала?
Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:
– Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.
Чтобы – спалось – легче,
Буду – тебе – певчим:
– Спи, подруженька
Неугомонная,
Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.
И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы..
Спи себе.
Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.
Сон – свят.
Все – спят.
Венец – снят.
8 апреля 1916

2

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще – раскрывать
Двери!
– Настежь – в темную ночь!
Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.
Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну – клонит.
Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.
27 мая 1916

3

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, –
А я запомнила одно: ночь.
Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.
Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.
Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.
17 июля 1916, Москва
Стихи к Блоку

1

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.
Имя твое, – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим – сон глубок.
15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?
Во мгле – сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.
То не ветер
Гонит меня по городу.
Ох, уж третий
Вечер я чую ворога.
Голубоглазый –
Меня – сглазил
Снеговой певец.
Снежный лебедь
Мне под ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.
Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой – смерть.
Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,
Длинным криком,
Лебединым кликом –
Зовет.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Милый призрак!

Я знаю, что все мне снится.

Сделай милость:

Аминь, аминь, рассыпья!

Аминь.

1 мая 1916

3

Ты проходишь на запад солнца,

Ты увидишь вечерний свет.

Ты проходишь на запад солнца,

И метель замечает след.

Мимо окон моих – бесстрастный –

Ты пройдешь в снеговой тиши,

Божий праведник мой прекрасный,

Свете тихий моей души!

Я на душу твою – не зарюсь!

Нерушима твоя стезя.

В руку, бледную от лобзаний,

Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,

И руками не потянусь.

Восковому, святому лику

Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,

Опущусь на колени в снег

И во имя твое святое

Поцелую вечерний снег –

Там, где поступью величавой

Ты прошел в снеговой тиши,

Свете тихий – святая славы –

Вседержитель моей души.

2 мая 1916

4

Зверю – берлога,

Страннику – дорога,

Мертвому – дроги.

Каждому – свое.

Женщине – лукавить,

Царю – править,

Мне – славить

Имя твое.

2 мая 1916

5

У меня в Москве – купола горят,

У меня в Москве – колокола звонят,

И гробницы, в ряд, у меня стоят, –

В них царицы спят и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле

Легче дышится – чем на всей земле!

И не знаешь ты, что зарей в Кремле

Я молюсь тебе – до зари.

И проходишь ты над своей Невой

О ту пору, как над рекой-Москвой

Я стою с опущенной головой,

И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,

Всей бессонницей я тебе внемлю –

О ту пору, как по всему Кремлю

Просыпаются звонари.

Но моя река – да с твоей рекой,

Но моя рука – да с твоей рукой

Не сойдутся, Радость моя, доколь

Не догонит заря – зари.

7 мая 1916

6

Думали – человек!

И умереть заставили.

Умер теперь. Навек.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, суеверные.
Шли от него лучи –
Жаркие струны по снегу.
Три восковых свечи –
Солнцу-то! Светоносному!
О, поглядите – как
Веки ввалились темные!
О, поглядите – как
Крылья его поломаны!
Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
– Мертвый лежит певец
И Воскресенье празднует.
9 мая 1916

7

Должно быть – за той рощей
Деревня, где я жила.
Должно быть – любовь проще
И легче, чем я ждала.
– Эй, идолы, чтоб вы сдохли! –
Привстал и занес кнут.
И окрику вслед – охлест,
И вновь бубенцы поют.
Над валким и жалким хлебом
За жердью встает – жердь,
И проволока под небом
Поет и поет смерть.

13 мая 1916

8

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый-желтый – за синею рощей – крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.

18 мая 1916

11

Други его – не тревожьте его!
Слуги его – не тревожьте его!
Было так ясно на лице его:
Царство мое не от мира сего.
Вещие вьюги кружили вдоль жил,
Плечи сутулыегнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл –
Лебедем душу свою упустил!
Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья извели право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь! –
Знают, что этого нет – умереть!
Зори пьют, море пьет, – в полную сыть
Бражничает. – Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть! –
Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

14

Без зова, без слова –
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел – в колыбели лежишь?
Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Качает твою колыбель?
Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?
«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.
Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот – его – рана,
Очей синеватый свинец?
Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?
Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а тёрном –
Чепца острозубая тень.
Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
– И снова родиться,
чтоб снова метель замела?!
Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?
А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром – труды.
Как в землю положен,
Быть может, – проспишь до трубы.
Огромную впалость
Висков твоих – вижу опять.
Такую усталость –
Ее и трубой не поднять!
Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.
22 ноября 1921
Ахматовой

1

О Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.
И мы шарахаемся, и глухое: ох! –
Стотысячное – тебе присягает, – Анна
Ахматова! – Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.
Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.
В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град, –
Ахматова! – и сердце свое в придачу.
19 июня 1916

2

Охватила голову и стою,
– что людские козни! –
Охватила голову и пою
На заре на поздней.
Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я тебя пою, что у нас – одна,
Как луна на небе!
Что, на сердце вороном налетев,
В облака вонзилась.
– Горбоносию – чей смертелен гнев
И смертельна милость.
Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою, – как ремнем,
Мне стянула горло.
Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала – чище.
Ах, я счастлива, что, тебя даря,
Удаляюсь – нищей,
Что тебя, чей голос – о глубь! о мгла! –
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.
22 июня 1916

3

Еще один огромный взмах –
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!
Что делала в тумане дней?
Ждала и пела...
Так много вздоха было в ней,
Так мало – тела.
Не человечески мила
Ее дремота.
От ангела и от орла
В ней было что-то.
И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон!
Часы, года, века. – Ни нас,
Ни наших комнат.
И памятник, накоренясь,
Уже не помнит.
Давно бездействует метла,
И никнут льстиво
Над Музой Царского Села
Кресты крапивы.
23 июня 1916

4

Имя ребенка – Лев,

Матери – Анна.
В имени его – гнев,
В материнском – тишь.
Волосом он рыж, –
Голова тюльпана! –
Что ж, осанна
Маленькому царю.
Дай ему Бог – вздох
И улыбку матери,
Взгляд – искателя Жемчугов.
Бог, внимательней
За ним присматривай:
Царский сын – гадательней
Остальных сынов.

5

Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей –
Гордость и горечь.
Помнишь бешеный день в порту,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Южных ветров угрозы,
Рев Каспия – и во рту
Крылышко розы.
Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...
И – высоко у парусов –
Отрока в синей блузе.
Гром моря – и грозный зов
Раненой Музы.
25 июня 1916

6

Не отстать тебе. Я – острожник.
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.
Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!
26 июня 1916

7

Ты, срывающая покров
С катафалков и колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,
Лихорадок, стихов и войн,
– Чернокнижница! – Крепостница! –
Я слышала грозный вой
Львов, венчающих колесницу.
Слышу страстные голоса –
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса –
И один – между ними – черный.
Океаном ли правишь путь
Или воздухом, – всею грудью
Жду, как солнцу, подставив грудь
Смертоносному правосудью.
26 июня 1916

8

На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.
В темном, с цветиками, платке,
– Милости удостоиться –
Ты, потупленная, в толпе
Богомолк у Сергей-Троицы.
Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицею хлыстовскою.
27 июня 1916

9

Златоустой Анне – всея Руси
Искупительному глаголу, –
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.
Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.
Ты, зеленоводный лесной ручей,
Расскажи, как сегодня ночью
Я взглянула в тебя – и чей
Лик узрела в тебе воочью.
Ты, в грозовой выси

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Обретенный вновь!

Ты! – Безымянный!

Донеси любовь мою

Златоустой Анне – всея Руси!

27 июня 1916

10

У тонкой проволоки над волной овсов

Сегодня голос – как тысяча голосов!

И бубенцы проезжие – свят! свят! свят! –

Не тем же ль голосом, Господи, говорят?

Стою, и слушаю, и растираю колос,

И темным куполом меня замыкает – голос.

Не этих ивовых плавающих ветвей

Касаюсь истово, – а руки твоей!

Для всех, в томленьи славящих твой подъезд, –

Земная женщина, мне же – небесный крест!

Тебе одной ночами кладу поклоны, –

И все твоими очами глядят иконы!

1 июля 1916

11

Ты солнце в выси мне застишь,

Все звезды в твоей горсти!

Ах, если бы – двери настешь –

Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,

И круто потупить взгляд,

И, всхлипывая, затихнуть,

Как в детстве, когда простят.

2 июня 1916

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,

Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,

Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,

Оттого что я о тебе спою – как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,

У всех золотых знамен, у всех мечей,

Я закину ключи и псов прогоню с крыльца –

Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,

Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,

И в последнем споре возьму тебя – замолчи! –

У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты, –

О, проклятие! – у тебя остаешься – ты:

Два крыла твои, нацеленные в эфир, –

Оттого что мир – твоя колыбель, и могила – мир!

15 августа 1916

1917 – апрель 1922

«Мировое началось во мгле кочевье...»

Мировое началось во мгле кочевье:

Это бродят по ночной земле – деревья,

Это бродят золотым вином – гроздья,

Это странствуют из дома в дом – звезды,

Это реки начинают путь – вспять!

И мне хочется к тебе на грудь – спать.

14 января 1917

Дон-Жуан

1

На заре морозной

Под шестой березой,

За углом у церкви,

Ждите, Дон-Жуан!

Но, увы, клянусь Вам

Женихом и жизнью,

что в моей отчизне

негде целовать!

Нет у нас фонтанов,

и замерз колодец,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А у богородиц –
Строгие глаза.
И чтобы не слышать
Пустяков – красоткам,
Есть у нас презвонкий
Колокольный звон.
Так вот и жила бы,
Да боюсь – состарюсь,
Да и Вам, красавец,
Край мой не к лицу.
Ах, в дохе медвежьей
И узнать Вас трудно, –
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан!
19 февраля 1917

5

И была у Дон-Жуана – шпага,
И была у Дон-Жуана – Донна Анна.
Вот и всё, что люди мне сказали
О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.
Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу,
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.
И белел в тумане – посох странный...
– Не было у Дон-Жуана – Донны Анны!
14 мая 1917

«И кто-то, упав на карту...»

И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.

Повеяло Бонапартом
В моей стране.

Кому-то гремят раскаты:
– Гряди, жених!

Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.
Глаза над улыбкой шалой –
Что ночь без звезд!

Горит на мундире впалом –
Солдатский крест[4].

Народы призвал к покою,
Смирил озноб –

И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

21 мая 1917, Троицын день

«Только в очи мы взглянули – без остатка...»

Только в очи мы взглянули – без остатка,
Только голос наш до вопля вознесен, –

Как на горло нам – железная перчатка
Опускается – по имени – закон.

Слезы в очи загоняет, воды –
В берега, проклятие – в уста.

И стремится железная свобода
Вольнодумца с первого моста.

И на грудь, где наши рокоты и стоны,
Опускается железное крыло.

Только в обруче огромного закона
Мне просторно – мне спокойно – мне светло.

25 августа 1917

«Мое последнее величье на дерзком голоде заплат...»

Мое последнее величье
На дерзком голоде заплат!

В сухие руки ростовщицы
Снесен последний мой заклад.

Промотанному – в ночь – наследству
У Господа – особый счет.

Мой – не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь: ночь – и рот.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Простимся ж коротко и просто

– Раз руки не умеют красть! –

С тобой, нелепейшая роскошь,

Роскошная нелепость – страсть!

1 сентября 1917

«Ночь. – Норд-ост. – Рев солдат...»

Ночь. – Норд-ост. – Рев солдат.

– Рев волн.

Разгромили винный склад. – Вдоль стен

По канавам – драгоценный поток,

И кровавая в нем пляшет луна.

Ошалелые столбы тополей.

Ошалелое – в ночи – пенье птиц.

Царский памятник вчерашний – пуст,

И над памятником царским – ночь.

Гавань пьет, казармы пьют. Мир – наш!

Наше в княжеских подвалах вино!

Целый город, топоча как бык,

К мутной луже припадая – пьет.

В винном облаке – луна. – Кто здесь?

Будь товарищем, красotka: пей!

А по городу – веселый слух:

Где-то двое потонули в вине.

Феодосия, последние дни Октября 1917

«Новый год я встретила одна...»

Новый год я встретила одна.

Я, богатая, была бедна,

Я, крылатая, была проклятой.

Где-то было много-много сжатых

Рук – и много старого вина.

А крылатая была – проклятой!

А единая была – одна!

Как луна – одна, в глазу окна.

31 декабря 1917

«Московский герб: герой пронзает гада...»

Московский герб: герой пронзает гада.

Дракон в крови. Герой в луче. – Так надо.

Во имя Бога и души живой

Сойди с ворот, Господень часовой!

Верни нам вольность, Воин, им – живот.

Страж роковой Москвы – сойди с ворот!

И докажи – народу и дракону –

Что спят мужи – сражаются иконы.

Бог – прав

Тлением трав,

Сухостью рек,

Воплем калек,

Вором и гадом,

Мором и голодом,

Срамом и смрадом,

Громом и градом.

Попранным Словом.

Проклятым годом.

Пленом царевым.

Вставшим народом.

12 мая 1918

Психея

1

Не самозванка – я пришла домой,

И не служанка – мне не надо хлеба.

Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,

Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там, на Земле, мне подавали грош

И жерновов навешали на шею.

– Возлюбленный! Ужель не узнаешь?

Я ласточка твоя – Психея!

2

На тебе, ласковый мой, лохмотья,

Хочу у зеркала, где муть...
Бывшие некогда нежной плотью.
Всё истрепала, изорвала, –
Только осталось, что два крыла.
Одень меня в свое великолепье,
Помилуй и спаси.

А бедные истлевшие отрепья –
Ты в ризницу снеси.

13 мая 1918

«Полюбил богатый – бедную...»
Полюбил богатый – бедную,
Полюбил ученый – глупую,
Полюбил румяный – бледную,
Полюбил хороший – вредную:
Золотой – полушку медную.

– Где, купец, твое роскошество?
«Во дырявом во лукошечке!»

– Где, гордец, твои учености?

«Под подушкой у девчоночки!»

– Где, красавец, щеки алые?

«За ночь черную – растаяли».

– Крест серебряный с цепочкою?

«У девчонки под сапожками!»

Не люби, богатый – бедную,

Не люби, ученый – глупую,

Не люби, румяный – бледную,

Не люби, хороший – вредную:

Золотой – полушку медную!

Между 21 и 26 мая 1918

«Умирая, не скажу: была...»

Умирая, не скажу: была.

И не жаль, и не ищу виновных.

Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты – крылом стучавший в эту грудь,

Молодой виновник вдохновенья –

я тебе повелеваю: – будь!

Я – не выйду из повиновенья.

30 июня 1918

«Я – страница твоему перу...»

Я – страница твоему перу.

Всё приму. Я – белая страница.

Я – хранитель твоему добру:

Возвращу, и возвращу сторицей.

Я – деревня, черная земля.

Ты мне – луч и дождевая влага.

Ты – Господь и Господин, а я –

Чернозем – и белая бумага!

10 июля 1918

«Как правая и левая рука...»

Как правая и левая рука –

Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,

Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает – и бездна пролегла

От правого – до левого крыла!

10 июля 1918

«Рыцарь ангелоподобный – Долг! – Небесный часовой...»

Рыцарь ангелоподобный –

долг! – Небесный часовой!

Белый памятник надгробный

На моей груди живой.

За моей спиной крылатой

Вырастающий ключарь,

Еженощный соглядатай,

Ежеутренний звонарь...

Страсть, и юность, и гордыня –

Всё сдалось без мятежа,

Оттого что ты рабыне

Хочу у зеркала, где мать... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Первый молвил: – Госпожа!

14 июля 1918

«Пусть не помнят юные...»

Пусть не помнят юные
О согбенной старости.
Пусть не помнят старые
О блаженной юности.
Всё уносят волны.
Море – не твое.
На людские головы
Лейся, забытье!
Пешеход морщинистый,
Не любуйся парусом!
Ах, не надо юностью
Любоваться – старости!
Кто в песок, кто – в школу.
Каждому – свое.
На людские головы
Лейся, забытье!
Не учись у старости,
Юность златорунная!
Старость – дело темное,
Темное безумное.
...На людские головы
Лейся, забытье!

27 июля 1918

«Стихи растут, как звезды и как розы...»

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота – ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы –
Один ответ: – Откуда мне сие?
Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты
Закон звезды и формула цветка.
14 августа 1918

«Если душа родилась крылатой...»

Если душа родилась крылатой –
Что ей хоромы и что ей хаты!
Что Чингисхан ей и что – Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца – неразрывно-слитых:
Голод голодных – и сытость сытых!
18 августа 1918

«Что другим не нужно – несите мне!..»

Что другим не нужно – несите мне!
Всё должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню.
Пламень любит – легкие вещества:
Прошлогодний хворост – венки – слова.
Пламень – пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете – пепла чище!
Птица – Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю – и горю дотла!
И да будет вам ночь – светла!
Ледяной костер – огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан –
Собеседницы и Наследницы!

2 сентября 1918

Глаза

Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза,
Зеленые – соленые –
Крестьянские глаза!
Была бы бабою простой –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Всегда б платили за постой –
Всё эти же – веселые –
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой –
От солнца б застилась рукой,
Качала бы – молчала бы, –
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные – степенные –
Крестьянские глаза.

Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза...
Что видели – не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

«Я Вас люблю всю жизнь и каждый день...»

Я Вас люблю всю жизнь и каждый день.

Вы надо мною как большая тень,
Как древний дым полярных деревень.
Я Вас люблю всю жизнь и каждый час.
Но мне не надо Ваших губ и глаз.

Все началось и кончилось – без Вас.

Я что-то помню: звонкая дуга,
Огромный ворот, чистые снега,
Униженные звездами рога...

И от рогов – в полнебосвода – тень...

И древний дым полярных деревень...

– Я поняла: Вы северный олень.

7 декабря 1918

«Дорожку простонародною, смиренною, богоугодною...»

Дорожку простонародною,

Смиренною, богоугодною,

Идем – свободные, немодные,

Душой и телом – благородные.

Сбылися древние пророчества:

Где вы – Величества? Высочества?

Мать с дочерью идем – две странницы.

Чернь черная навстречу чванится.

Быть может – вздох от нас останется,

А может – Бог на нас оглянется...

Пусть будет – как Ему захочется:

Мы не Величества, Высочества.

Так, скромные, богоугодные,

Душой и телом – благородные,

Дорожку простонародною –

Так, доченька, к себе на родину:

В страну Мечты и Одиночества –

Где мы – Величества, Высочества.

Осень 1919

«Когда-нибудь, прелестное создание...»

Когда-нибудь, прелестное создание,

Я стану для тебя воспоминаньем,

Там, в памяти твоей голубоокой,

Затерянным – так далеко-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,

И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,

И сотню – на руке моей рабочей –

Серебряных перстней, – чердак-каюту,

Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены Бедою,

Ты – маленькой была, я – молодою.

Ноябрь 1919

«Маленький домашний дух...»

Маленький домашний дух,

Мой домашний гений!

Вот она, разлука двух

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Сродных вдохновений!
Жалко мне, когда в печи
Жар, – а ты не видишь!
В дверь – звезда в моей ночи! –
Не взойдешь, не выйдешь!
Платьица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном – сад
Расцветает – тщетно.
Голуби в окно стучат, –
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат, –
Бог с ними, с ветрами!
Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным –
Чудодейственным твоим
Голосом: – Марина!

Ноябрь 1919

«Та же молодость, и те же дыры...»
Та же молодость, и те же дыры,
И те же ночи у костра..
Моя божественная лира
С твоей гитарою – сестра.
Нам дар один на долю выпал:
Кружить по душам, как метель.
– Грабительница душ! – Сей титул
и мне опущен в колыбель!
В тоске заламывая руки,
Знай: не одна в тумане дней
Цыганским варевом разлуки
Дурманишь молодых князей.
Знай: не одна на ножик острый
Глядишь с томлением в крови, –
Знай, что еще одна... – Что сестры
в великой низости любви.

«Март 1920»

«Две руки, легко опущенные...»
Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были – по одной на каждую –
Две головки мне дарованы.
Но обеими – зажатыми –
Яростными – как могла! –
Старшую у тьмы выхватывая –
Младшей не уберегла.
Две руки – ласкать-разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки – и вот одна из них
За ночь оказалась лишняя.
Светлая – на шейке тоненькой –
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем не понято,
Что дитя мое в земле.
Первая половина апреля 1920
«Да, друг невиданный, неслыханный...»
Да, друг невиданный, неслыханный
С тобой. – фонарик потуши!
Я знаю все ходы и выходы
В тюремной крепости души.
Вся стража – розами увенчана:
Слепая, шалая толпа!
– Всех ослепила – ибо женщина,
Всё вижу – ибо я слепа.
Закрой глаза и не оспаривай
Руки в руке. – Упал засов. –
Нет – то не туча и не зарево!
То конь мой, ждущий седоков!
Мужайся: я твой щит и мужество!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я – страсть твоя, как в оны дни!
А если голова закружится,
На небо звездное взгляни!
Апрель 1920
«На брэнность бедную мою...»
На брэнность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.
Ты – каменный, а я пою,
Ты – памятник, а я летаю.
Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности – ничтожен.
Но птица я – и не пеняй,
что легкий мне закон положен.
16 мая 1920
«Сижу без света, и без хлеба...»
с. э.

Сижу без света, и без хлеба,
и без воды.
Затем и насылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды.
Сижу, – с утра ни корки черствой –
Мечту такую полюбя,
что – может – всем своим покорством
– Мой Воин! – выкуплю тебя.
16 мая 1920
«Я не хочу – не могу – и не умею Вас обидеть...»
«Я не хочу – не могу – и не умею Вас обидеть...»
Так из дому, гонимая тоской,
– Тобой! – всей женской памятью, всей жаждой,
Всей страстью – позабыть! – Как вал морской,
Ношусь вдоль всех штыков, мешков и граждан.
О, вспененный, высокий вал морской
Вдоль каменной советской Поварской!
Над дремлющей борзой склонюсь – и вдруг –
Твои глаза! – Все руки по иконам –
Твои! – О, если бы ты был без глаз, без рук,
чтоб мне не помнить их, не помнить их, не помнить!
И, приступом, как резвая волна,
Беру головоломные дома.
Всех перецеловала чередом.
Вишу в окне. – Москва в кругу просторном.
Ведь любит вся Москва меня! – А вот твой дом...
Смеюсь, смеюсь, смеюсь с зажатым горлом.
И пятилетний, прожевав пшено:
– «Без Вас нам скучно, а с тобой смешно»...
Так, оплетенная венком детей,
Сквозь сон – слова: «Боюсь, под корень рубит –
Поляк... Ну что? – Ну как? – Нет новостей?»
– «Нет, – впрочем, есть: что он меня не любит!»
И, репликою мужа изумив,
Иду к жене – внимать, как друг ревнив.
Стихи – цветы – (И кто их не дает
Мне за стихи?) В руках – целая вьюга!
Тень на домах ползет. – Вперед! Вперед!
чтоб по людскому цирковому кругу
Дурную память загонять в конец, –
чтоб только не очнуться, наконец!
Так от тебя, как от самой Чумы,
Вдоль всей Москвы – «плясуньей» длинноногой
Кружить, кружить, кружить до самой тьмы –
чтоб, наконец, у своего порога
Остановиться, дух переводя...
– И в дом войти, чтоб вновь найти – тебя!
17–19 мая 1920
«Сказавший всем страстям: прости...»
Сказавший всем страстям: прости –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Прости и ты.
Обиды наглоталась всласть.
Как хлещущий библейский стих
читаю я в глазах твоих:
«Дурная страсть!»
В руках, тебе несущих есть,
читаешь – лесть.
И смех мой – ревность всех сердец! –
Как прокажённых бубенец –
Гремит тебе.
И по тому, как в руки вдруг
Кирку берешь – чтоб рук
Не взять (не те же ли цветы?),
Так ясно мне – до тьмы в очах! –
Что не было в твоих стадах
Черней – овцы.
Есть остров – благостью Отца, –
Где мне не надо бубенца,
Где черный пух –
Вдоль каждой изгороди. – Да. –
Есть в мире – черные стада.
Другой пастух.
17 мая 1920
«Писала я на аспидной доске...»
с. э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблеклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, –
И на стволах, которым сотни зим...
И, наконец, – чтоб было всем известно! –
Что ты любим! любим! любим! любим! –
Расписывалась – радугой небесной.
Как я хотела, чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала имя...
Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! внутри кольца!
Ты – уцелеешь на скрижалях.
18 мая 1920
Пригвождена...
Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что – невинна.
Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем,
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою – за счастьем.
Пересмотрите все мое добро,
Скажите – или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке – лишь горстка пепла!
И это все, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это все, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.
19 мая 1920
«И не спасут ни стансы, ни созвездья...»
И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется – возмездье
За то, что каждый раз,
Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что самодержцем Вас признав на веру, –
Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без Вас мне не был пуст!
Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных –
Рифм только, а не уст.
Возмездие за то, что злейшим судьям
Была – как снег, что здесь, под левой грудью –
Вечный апофеоз!
Что с глазу на глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!
20 мая 1920
«Восхищенной и восхищённой...»
Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.
И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться – лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.
Между 21 и 30 мая 1920
«Восхищенной и восхищённой...»
Восхищенной и восхищённой, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.
Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и надгробные плиты..
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!
Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.
Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!
23 мая 1920
«– Хоровод, хоровод, чего ножки бьешь?..»
– Хоровод, хоровод,
Чего ножки бьешь?
– Мореход, мореход,
Чего вдаль плывешь?
Пляшу – пол горячий!
Боюсь, обожгусь!
– Отчего я не плачу?
Оттого, что смеюсь!
Наш моряк, моряк –
Морячок морской!
А тоска – червяк,
Червячок простой.
Поплыл за удачей,
Привез – нитку бус.
– Отчего я не плачу?
Оттого, что смеюсь!
Глубоки моря!
Ворочайся вспять!
Зачем рыбам – зря
Красоту швырять?
Бог дал – я растрочу!
Крест медный – весь груз!
– Отчего я не плачу?
Оттого, что смеюсь!
Между 25 мая и 13 июня 1920

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

«Вчера еще в глаза глядел...»
Вчера еще в глаза глядел,
А нынче – все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, –
Все жаворонки нынче – вороны!
Я глупая, а ты умен,
живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?»
И слезы ей – вода, и кровь –
Вода, – в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.
Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей Земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»
Вчера еще – в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, –
Жизнь выпала – копейкой ржавою!
Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»
Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал – колесовать:
Другую целовать», – ответствуют.
Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот, что ты, милый, сделал – мне.
Мой милый, что тебе – я сделала?
Всё ведаю – не прекословь!
Вновь зрячая – уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.
Само – что дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое...
– За всё, за всё меня прости,
Мой милый, что тебе я сделала!
14 июня 1920
«Дом, в который не стучатся...»
Дом, в который не стучатся:
Нищим нечего беречь.
Дом, в котором – не смущаться:
Можно сесть, а можно лечь.
Не судить – одно условье,

...
Окна выбиты любовью,
Крышу ветром сорвало.
Всякому – «будь» ты сам Каин –
Всем стаканы налиты!
Ты такой как я – хозяин,
Так же гостя, как и ты.
Мне добро досталось даром, –
Так и спрячь свои рубли!
Окна выбиты пожаром,
Дверь зима сняла с петли!
Чай не сладкий, хлеб не белый –
Личиком бела зато!
Тем делюсь, что уцелело,
Всем делюсь, что не взято.
Трудные мои завязки –
Есть служанка – подсобит!
А плясать – пляши с опаской,
Пол поклонами пробит!
Хочешь в пляс, а хочешь в лёжку,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Спору не встречал никто.
Тесные твои сапожки?
Две руки мои на что?
А насытила любовью, –
В очи плюнь, – на то рукав!
Не судить: одно условие.
Не платить: один устав.
28 июня 1920

«Проста моя осанка...»
Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!
Живу – никто не нужен!
Взошел – ночей не сплю.
Согреть Чужому ужин –
Жилье свое спалю!
Взглянул – так и знакомый,
Взошел – так и живи!
Просты наши законы:
Написаны в крови.
Луну заманим с неба
В ладонь, – коли мила!
Ну а ушел – как не был,
И я – как не была.
Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажить
До первого чужого,
Который скажет: «Пить».

Август 1920
«Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!..»
Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!
То шатаясь причитает в поле Русь.
Помогите – на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь-руда!
И справа и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
– Мама!
И только и это
И внятно мне, пьяной.
Из чрева – и в чрево:
– Мама!
Все рядком лежат –
Не развестись межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?
Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.
– Кто ты? – белый? – не пойму! – привстань!
Аль у красных пропадаю? – Ря-азань.
И справа и слева
И сзади и прямо
И красный и белый:
– Мама!
Без воли – без гнева –
Протяжно – упрямо –
До самого неба:
– Мама!

7 февраля 1921

Молодость

1

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.
Ты в ночи начесывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щепнем,
За чужие я грехи терпела.
Скипетр тебе вернув до срока –
Что уже душе до яств и брашна? –
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашный!
18 ноября 1921

2

Скоро уж из ласточек – в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне.
Постоим с тобою на ветру.
Смуглая моя! Утешь сестру!
Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!
Полосни лазоревую шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! – Спляши, ошпарь!
Золотце мое – прощай, янтарь!
Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником, с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин –
Молодость моя! – Иди к другим!
20 ноября 1921

«Слезы – на лисе моей облезлой!..»
Слезы – на лисе моей облезлой!
Глыбой – чересплечные ремни!
Громче паровозного железа,
Громче левогрудой стукотни –
Дребезг подымается над щепнем,
Скрежетом по рощам, по лесам,
Точно кто вгрызающимся гребнем
Разом – по семи моим сердцам!
Родины моей широкоскулой
Матерный, бурлацкий перегар.
Или же – вдоль насыпи сутулой
Шёпоты и топоты татар.
Или мужичонка, на круг должный,
За косу красу – да о косяк?
(Может, людоедица с Поволжья
Склабом – о ребяческий костяк?)
Аль Степан всплясал, Руси кормилец?
Или же за кровь мою, за труд –
Сорок звонарей моих взбесились –
И болярыню свою поют...
Сокол – перерезанные пути!
Шибче от кровавой колеи!
– То над родиной моею лютой
Исстрадавшиеся соловьи.
10 февраля 1922
Май 1922–1925
Земные приметы

1

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.
Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя – даль.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Все древности, кроме: дай и мой,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности, – но и в смертный бой
Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!
Но, может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав –
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.
Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.
15 июня 1922

4

Руки – и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!
Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!
Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.
Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) – дожди
Тысячелетий тебя не мыли...
Тело меж тел,
– Ты, что мне пропадом был двухзвёздным!.. –
Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.

9 июля 1922

«Здравствуй! Не стрела, не камень...»
Здравствуй! Не стрела, не камень:
Я! – Живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.
Дай! (На языке двуостром:
На! – Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!
Льни! – Сегодня день на шхуне,
– Льни! – на лыжах! – Льни – льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!
– Мой! – и о каких наградах
Рай – когда в руках, у рта –
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

25 июня 1922

«Неподражаемо лжет жизнь...»
Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!
Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал...
Бормот – сквозь жимолость – ста жал...
Радуйся же! – Звал!
И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,

Хочу у зеркала, где муть...
Души – что вот уже: лбом в сон,
Ибо – зачем пел?
В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» –
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь – жизнь.

8 июля 1922

Деревья

2

Когда обидой – опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами –
Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:
С земными низостями дней,
С людскими косностями, –
Деревья! К вам иду! Спаситесь
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!
Дуб богоборческий! в бои
Всем корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!
Вяз – яростный Авессалом!
На пытке вздыбленная
Сосна! – ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...
К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы – пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!
Зеленых отсветов рои...
Как в руки – плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

8 сентября 1922

9

Каким наитием,
Какими истинами,
О чем шумите вы,
Разливы лиственные?
Какой неистовой
Сивиллы таинствами –
О чем шумите вы,
О чем беспмятствуете?
Что в вашем веянье?
Но знаю – лечите
Обиду Времени
Прохладой Вечности.
Но юным гением
Восстав – порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.
Чтоб вновь, как некогда,
Земля – казалась нам.
Чтобы под веками
Свершались замыслы.
Чтобы монетами
Чудес – не чваниться!
Чтобы под веками
Свершались таинства!
И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! – В пророчества
Речами косвенными...
Листва ли – листьями?

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сивилла ль – выстонала?

...Лавины лиственные,
Руины лиственные...

9 мая 1923

«Золото моих волос тихо переходит в седость...»

Золото моих волос

Тихо переходит в седость.

– Не жалеете! всё сбылось,

Всё в груди слилось и спелось.

Спелось – как вся даль слилась

В стонущей трубе окраины.

Господи! Душа сбылась:

Умысел твой самый тайный.

...

Несгорающую соль

Дум моих – ужели пепел

Фениксов отдам за смоль

Временных великолепий?

Да и ты посеребрел,

Спутник мой! К громам и дымам,

К молодым сединам дел –

Дум моих почти седины.

Горделивый златоцвет,

Роскошью своей не чванствуй:

Молодым сединам бед

Лавр пристал – и дуб гражданский.

Между 17 и 23 сентября 1922

Хвала богатым

И засим, упредив заране,

Что меж мной и тобою – мили!

Что себя причисляю к рвани,

Что честно мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:

Стол уродов, калек, горбатых...

И засим, с колокольной крыши

Объявляю: люблю богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,

С колыбели растящий рану,

За растерянную повадку

Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,

Исполняемую, как окрик,

И за то, что их в рай не впустят,

И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны – всегда с нарочным!

За их страсти – всегда с рассыльным!

За навязанные им ночи

(И целуют и пьют насильно!),

И за то, что в учётах, в скуках,

В позолотах, в зевотах, в ватах,

Вот меня, наглеца, не купят, –

Подтверждаю: люблю богатых!

А еще, несмотря на бритость,

Сытость, питость (моргну – и трачу!),

За какую-то – вдруг – побитость,

За какой-то их взгляд собачий,

Сомневающийся...

– Не стержень

ли к нулям? Не шалют ли гири?

И за то, что меж всех отверженств

Нет – такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:

Как верблюды в иглу пролезли.

...За их взгляд, изумленный насмерть,

Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы –

Да...»

За тихое, с уст зажатых:

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

«По каратам считал я – брат был...»

– Присягаю: люблю богатых!

30 сентября 1922

Рассвет на рельсах

Покамест день не встал

С его страстями стравленными,

Из сырости и шпал

Россию восстанавливаю.

Из сырости – и свай,

Из сырости – и серости.

Покамест день не встал

И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,

Еще в холсты запахнутый

Спит ломовой гранит,

Полей не видно шахматных...

Из сырости – и стай...

Еще вестями шальями

Лжет вороная сталь –

Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз –

Владением бесплотнейшим –

Какая разлилась

Россия – в три полотнища!

И – шире раскручу:

Невидимыми рельсами

По сырости пушу

Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек

Для Бога и людей!

(Знак: сорок человек

И восемь лошадей.)

Так, посредине шпал,

Где даль шлагбаумом выросла,

Из сырости и шпал,

Из сырости – и сирости,

Покамест день не встал

С его страстями стравленными –

Во всю горизонталь

Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:

Даль – да две рельсы синие...

Эй, вот она! – Держи!

По линиям, по линиям...

12 октября 1922

Поэт

1

Поэт – издалека заводит речь.

Поэта – далеко заводит речь.

Планетами, приметами... окольных

Притч рытвинами... Между да и нет

Он, даже разлетевшись с колокольни,

Крюк выморочит... Ибо путь комет –

Поэтов путь. Развеянные звенья

Причинности – вот связь его! Кверху лбом –

Отчайтесь! Поэтовы затмения

Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,

Обманывает вес и счет,

Он тот, кто спрашивает с парты,

Кто Канта наголову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий

Как дерево в своей красе...

Тот, чьи следы – всегда простыли,

Тот поезд, на который все

Опаздывают...

– ибо путь комет –

Поэтов путь: жжя, а не согревая,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом, –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!
8 апреля 1923

2

Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоем.
(Не числящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма – дом.)
Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие: – навоз,
Гвоздь – вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!
Есть в мире мнимые – невидимые:
(Знак: лепрозориумов крап!),
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы – когда б:
Поэты мы – и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы Бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!
22 апреля 1923

3

Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям,
Страсти! Где насморком
Назван – плач!
Что же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! – Как провод! загар! Сибирь!
По наважденьям своим – как по мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.
Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!
22 апреля 1923
Слова и смыслы

1

Ты обо мне не думай никогда!
(На – вязчива!)
Ты обо мне подумай: провода:
Даль – длящие.
Ты на меня не жалуйся, что жаль...
Всех слаще, мол...
Лишь об одном пожалуйста: педаль:
Боль – длящая.

2

Ла-донь в ладонь:
– За – чем рожден?
– Не – жаль: изволь:
Длить – даль – и боль.

3

Проводами продленная даль...
Даль и боль, это та же ладонь
Отрывающаяся – доколь?
Даль и боль, это та же юдоль.
23 апреля 1923

Прокрасться...
А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...

Может быть – отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал.
А может – лучшая потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Распасться, не оставив праха
На урну...

Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?
Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод...

14 мая 1923
Диалог Гамлета с совестью
– На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, – но сна и там нет!
– Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!

– Гамлет!
На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
– Но я ее любил,
Как сорок тысяч...

– Меньше
Всё ж, чем один любовник.
На дне она, где ил.
– Но я ее –
любил??

5 июня 1923
Мореплавателю
Закачай меня, звездный челн!
Голова устала от волн!
Слишком долго причалить тщусь, –
Голова устала от чувств:
Гимнов – лавров – героев – гидр, –
Голова устала от игр!
Положите меж трав и хвой, –
Голова устала от войн...

12 июня 1923
Свиданье
На назначенное свиданье
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши – приду седая.
Ты его высоко назначил!
Буду годы идти – не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через горы идти – и стогны,
Через души идти – и руки.
Землю долго прожить! Трущоба –
Кровь! и каждая капля – заводь.
Но всегда стороной ручьевого –
Лик Офелии в горьких травах.
Той, что, страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! – Снопом на щебень!
Я тебя высоко любила:
Я тебя схоронила в небе!

18 июня 1923
«Рано еще – не быть!..»
Рано еще – не быть!
Рано еще – не жечь!
Нежность! жестокий бич
Потусторонних встреч.
Как глубоко ни льни –
Небо – бездонный чан!
О, для такой любви
Рано еще – без ран!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ревностью жизнь жива!
Кровь вождедеет течь
В землю. Отдаст вдова
Право свое – на меч?
Ревностью жизнь жива!
Благословен ущерб
Сердцу! Отдаст трава
Право свое – на серп?
Тайная жажда трав...
Каждый росток: «сломи»...
До лоскута раздав,
Раны еще – мои!
И пока общий шов
– Льюсь! – не наложишь Сам –
Рано еще для льдов
Потусторонних стран!
19 июня 1923
Луна – лунатику
Оплетавшие – останутся.
Дальше – высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.
У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Не прозрей.
Я – глаза твои. Совиное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени –
Не расслышь.
Я – душа твоя: Урания –
В боги – дверь.
В час последнего слияния
Не проверь!

20 июня 1923

Двое

1

Есть рифмы в мире сём:
Разъединишь – и дрогнет.
Гомер, ты был слепцом.
Ночь – на буграх надбровных,
Ночь – твой рапсодов плащ,
Ночь – на очах – завесой.
Разъединил ли б зряц
Елену с Ахиллесом?
Елена. Ахиллес.
Звук назови созвучней.
Да, хаосу вразрез
Построен на созвучьях
Мир, и, разъединен,
Мстит (на согласьях строен!),
Неверностями жен
Мстит – и горячей Троей!
Рапсод, ты был слепцом:
Клад рассорил, как рухлядь.
Есть рифмы – в мире том
Подобренные. Рухнет
Сей – разведешь. Что нужд
В рифме? Елена, старься!
...Ахеи лучший муж!
Сладостнейшая Спарты!
Лишь шорохом древес
Миртовых, сном кифары:
«Елена: Ахиллес:
Разрозненная пара».

30 июня 1924

2

Не суждено, чтобы сильный с сильным

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Соединились бы в мире сём.
Так разминулись Зигфрид
с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.
В братственной ненависти союзной
– Буйволами! – на скалу – скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною – спала.
Порознь! – даже на ложе брачном –
Порознь! – даже сцепясь в кулак –
Порознь! – на языке двузначном –
Поздно и порознь – вот наш брак!
Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв, как лев, –
Так разминулися: сын Фетиды
С дочерью Аресовой: Ахиллес
С Пенфезилеей.
О, вспомни – снизу
Взгляд ее! сбитого седока
Взгляд! не с Олимпа уже, – из жижи
Взгляд ее, – все ж еще свысока!
Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный
– с равным...

...
Так разминовываемся – мы.

З
В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один
Мне равносилен.
В мире, где столь
Многого хотим,
Знаю – один
Мне равномошен.
В мире, где всё –
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты – равносущ
Мне.

3 июля 1924

Рельсы
В некой разлинованности нотной
Нежась наподобие простынь –
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!
Пушкинское: сколько их, куда их
Гонит! (Миновало – не поют!)
Это уезжают-покидают,
Это остывают-отстают.
Это – остаются. Боль, как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыпью застывшие столбы..
Час, когда отчаяньем, как свахой,
Простыни разостланы. – Твоя! –
И обезголосившая Сафо
Плачет, как последняя швея.
Плач безропотности!

Плач болотной
Цапли... Водоросли – плач! Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.
Растекись напрасною зарею,
Красное, напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
10 июля 1923

Час души
В глубокий час души,
В глубокий – ночи...
(Гигантский шаг души,
Души в ночи.)
В тот час, душа, верши
Миры, где хочешь
Царить, – чертог души,
Душа, верши.
Ржавь губы, пороши
Ресницы – снегом.
(Атлантский вздох души,
Души – в ночи...)
В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод,
Душа, горчи.
Горчи и омрачай:
Расти: верши.

8 августа 1923

Письмо
Так писем не ждут,
Так ждут – письма.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри – словцо,
И счастье. – И это – всё.
Так счастья не ждут,
Так ждут – конца:
Солдатский салют
И в грудь – свинца
Три дольки. В глазах красно.
И только. – И это – всё.
Не счастья – стара!
Цвет – ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.
(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!
Квадрата письма.

11 августа 1923

Минута
Минута: минуца: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж –
Что завтра б – вырвано из рук!
Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так лсти ж
Другим, десятеричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел
Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» –
На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?
Минута: мающая! Мнимость
Вскачь – медлящая! В прах и в хлам
Нас мелющая! Ты, что минешь

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Минута: милостыня псам!
О, как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.
12 августа 1923
Пражский рыцарь
Бледно-лицый
Страж над плеском века –
Рыцарь, рыцарь,
Стережущий реку.
(О, найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка-ра-ульный
На посту разлук.
Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку –
Нас-то – сколько
За четыре века!
В воду пропуск
Вольный. Розам – цвесьть!
Бросил – брошусь!
Вот тебе и мечь!
Не устанем
Мы – доколе страсть есть! –
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,
Крылья! В тину,
В пену – как в парчу!
Мосто-вины
Нынче не плачу!
– «С рокового мосту
Вниз – отважься!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.
Сласть ли, грусть ли
В ней – тебе видней.
Рыцарь, стережущий
Реку – дней.

27 сентября 1923
«Древняя тщета течет по жилам...»
Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!
К нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К Нилу – иль еще куда-нибудь
Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела
Вон – хочу! (В час тупящихся вежд
Разве выступаем – из одежд?)
...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..

7 октября 1923
«Брожу – не дом же плотничать...»
Брожу – не дом же плотничать,
Расположась на росстани!
Так, вопреки полотнищам
Пространств, треклятым простыням
Разлук, с минутным баловнем
Крадясь ночными тайнами,
Тебя под всеми ржавыми
Фонарными кронштейнами –
Краём плаща... За стойками –
Краём стекла... (Хоть краешком
Стекла!) Мертвец настойчивый,
В очах – зачем качаешься?
По набережным – клятв озноб,
По загородам – рифм обвал.
Сжимают ли – «я б жарче сгрёб»,

Хочу у зеркала, где муть...
Внимают ли – «я б чище вял».
Всё ты один, во всех местах,
Во всех местах, на всех мостах.
Моими вздохами – снастят!
Моими клятвами – мостят!
Такая власть над сбивчивым
Числом у лиры любящей,
Что на тебя, небывший мой,
Оглядываюсь – в будущее!
16 октября 1923

«Ты, меня любивший фальшью...»
Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! – За рубежи!
Ты, меня любивший дольше
Времени. – Десницы взмах! –
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.
12 декабря 1923

Попытка ревности
Как живется Вам с другою? –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговою
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове
(по небу – не по водам!)?
Души, души! – быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!
Как живется Вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оно́го сошед),
Как живется Вам – хлопчется –
Ежится? Встается – как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?
«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живется Вам с любовью –
Избранному моему!
Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живется Вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!
Как живется Вам с чужою,
Здешнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?
Как живется Вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?
Как живется Вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется Вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!)
Как живется Вам с стотысячной –
Вам, познавшему Лилит!
Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется Вам с земною
Женщиною, без шестых
Чувств?

Ну, за голову; счастливы?
Нет? В провале без глубин –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как живется, милый? Тяжче ли?
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

Приметы

Точно гору несла в подоле –
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.
Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.
Точно нору во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль
Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеваясь, гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн
Горловых, – горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет! – по трели
Всего тела вдоль!

29 ноября 1924

Жизни

1

Не возьмешь моего румянца –
Сильного – как разливы рек!
Ты – охотник, но я не дамся,
Ты – погоня, но я есмь бег.
Не возьмешь мою душу живу!
Так, на полном скаку погонь –
Пригибающийся – и жилу
Перекусывающий конь
Аравийский.

25 декабря 1924

2

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся, как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, –
Безошибочен певчий слух!
Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром.
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.
Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.

– Заждалась ножа!

28 декабря 1924

* * *

Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле – как в трюме,
В себе – как в тюрьме.
Мир – это стены.
Выход – топор.
(«Мир – это сцена», –
Лепечет актер.)
И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле – как в славе,
В теле – как в тоге.
Многие лета!
Жив – дорожи!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Только поэты
В кости – как во лжи!)
Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле, как в ватном
Отчем халате.
Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле – как в стойле,
В себе – как в котле.
Бренных не копим
Великолепий.
В теле – как в топи,
В теле – как в склепе,
В теле – как в крайней
Ссылке. – Зачах!
В теле – как в тайне,
В висках – как в тисках
Маски железной.
5 января 1925
* * *

Дней сползающие слизи,
...Строк подённая швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.
И до бед мне мало дела
Собственных... – Еда? Спатьё?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.
январь 1925
«Расстояние: вёрсты, мили...»
Б. Пастернаку

Рас-стояние: вёрсты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.
Рас-стояние: вёрсты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав
Вдохновений и сухожилий...
Не рассорили – рассорили,
Расслоили...

Стена да ров.
Расселили нас, как орлов-
Заговорщиков: вёрсты, дали...
Не расстроили – растеряли.
По тущомам земных широт
Рассовали нас, как сирот.
Который уж – ну который – март?!
Разбили нас – как колоду карт!
24 марта 1925
«Русской ржи от меня поклон...»
Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...
Ты, в погудке дождей и бед –
То ж, что Гомер в гексаметре.
Дай мне руку – на весь тот свет!
Здесь – мои обе заняты.
7 мая 1925, Вшеноры
1926–1936

«Тише, хвала! Дверью не хлопать, Слава!..»
Тише, хвала!
Дверью не хлопать, Слава!
Стола

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Угол – и локоть.
Сутолочь, стоп!
Сердце, уймись!
Локоть – и лоб.
Локоть – и мысль.
Юность – любить,
Старость – погреться:
Некогда – быть,
Некуда деться.
Хоть бы закут –
Только без прочих!
Краны – текут,
Стулья – грохочут,
Рты говорят:
Кашей во рту
Благодарят
«За красоту».
Знали бы вы,
Ближний и дальний,
Как головы
Собственной жаль мне –
Бога в орде!
Степь – каземат –
Рай – это где
Не говорят!
Юбочник – скот,
Лавочник – частность!
Богом мне – тот
Будет, кто даст мне
– Не времени!
Дни сочтены! –
Для тишины –
Четыре стены.
26 января 1926, Париж
<Памяти Сергея Есенина>
...И не жалость – мало жил,
И не горечь – мало дал, –
Много жил – кто в наши жил
Дни, всё дал – кто песню дал.
Январь 1926
Разговор с гением
Глыбами – лбу
Лавры похвал.
«Петь не могу!»
– «Будешь!» – «Пропал,
(На толокно
Переводи!)
Как молоко –
Звук из груди.
Пусто. Суха.
В полную веснь –
Чувство сука».
– «Старая песнь!
Брось, не морочь!»
«Лучше мне впредь –
Камень толочь!»
– «Тут-то и петь!»
«Что я, снегирь,
Чтоб день-деньской
Петь?»
– «Не моги,
Пташка, а пой!
На зло врагу!»
«Коли двух строк
Свесть не могу?»
– «Кто когда – мог?!» –
«Пытка!» – «Терпи!»
«Скошенный луг –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Глотка!» – «Хрипи:

Тоже ведь – звук!»

«Львов, а не жен

дело». – «Детей:

Распотрошен –

Пел же – Орфей!»

«Так и в гробу?»

– «И под доской».

«Петь не могу!»

– «Это воспой!»

4 июня 1928

Наяда

Проходи стороной,

Тело вольное, рыбе!

Между мной и волной,

Между грудью и зыбью –

Третье, злостная грань

Дружбе гордой и голой:

Стопудовая дань

Пустяковине: полу.

Узнаю тебя, клин,

Как тебя ни зови:

В море – ткань,

в поле – тын.

Вечный третий в любви!

Мало – злобе людской

Права каменных камер?

Мало – деве морской

Моря трепетной ткани?

Океана-Отца

Неизбывных достатков –

Пены – чудо-чепца?

Вала – чудо-палатки?

Узнаю тебя, гад,

Как тебя ни зови:

В море – ткань, в горе –

взгляд, –

Вечный третий в любви!

Как приму тебя, бой,

Мне даваемый глубиью,

Раз меж мной и волной,

Между грудью – и грудью..

– Нереида! – Волна!

Ничего нам не надо,

Что не я, не она,

Не волна, не наяда!

Узнаю тебя, гроб,

Как тебя ни зови:

В вере – храм, в храме – поп, –

Вечный третий в любви!

Хлебопёк, кочегар, –

Брак без третьего между!

Прячут жир (горе бар!),

Чистым – нету одежды!

Черноморских чубов:

– Братцы, голые топай! –

Голым в хлябь и в любовь,

Как бойцы Перекопа –

В бой...

Матросских сосков

Рябь. – «Товарищ, живи!»

...В пулю – шлем, в бурю – кров:

Вечный третий в любви!

Побережья бродяг,

Клятвы без аналогов!

Как вступлю в тебя, брак,

Раз меж мною – и мною ж –

Что? Да нос на тени,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Соглядатай извечный –
(Свой же). Всё, что бы ни –
Что? Да всё, если нечто!
Узнаю тебя, бис,
Как тебя ни зови:
Нынче – нос, завтра – мыс, –
Вечный третий в любви!
Горделивая мать
Над цветущим отростком,
Торопись умирать!
Завтра – третий вотрется!
Узнаю тебя, смерть,
Как тебя ни зови:
В сыне – рост, в сливе – червь:
Вечный третий в любви.
1 августа 1928, Понтайяк
Маяковскому

1
Чтобы край земной не вымер
Без отчаянных дядей,
Будь, младенец, Володимир:
Целым миром володей!

2
Литературная – не в ней
Суть, а вот – кровь пролейте!
Выходит каждые семь дней.
Ушедший – раз в столетье
Приходит. Сбит передовой
Боец. Каких, столица,
Еще тебе вестей, какой
Еще – передовицы?
Ведь это, милые, у нас,
Черновец – милюковцу:
«Владимир Маяковский? Да-с,
Бас, говорят, и в кофте
Ходил»...

Эх, кровь–твоя–кровца!
Как с новью примириться,
Раз первого ее бойца
Кровь – на второй странице
(Известий).

3
«В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции».

(«Одnodневная газета», 24 апреля 1930 г.)

В сапогах, подкованных железом,
В сапогах, в которых гору брал –
Никаким обходом ни объездом
Не доставшийся бы перевал –
Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон.
Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель – он.
В сапогах – двустопная жилплощадь,
Чтоб не вмешивался жилотдел –
В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес – и брал – и клял – и пел –
В сапогах и до и без отказа
По невспаханностям Октября,
В сапогах почти что водолаза:
Пехотинца, чище ж говоря:
В сапогах великого похода,
На донбассовских, небось, гвоздях,
Гору горя своего народа
Стапятидесяти (Госиздат)
Миллионного... – В котором роде
Своего, когда который год:

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Ничего-де своего в заводе!»
Всех народов горя гору – вот.
Так вот в этих – про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих –
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах – свидетельствующих.

4

Любовная лодка разбилась о быт.

И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?
В лодке да еще в любовной
Запрокинуться – скандал!
Разин – чем тебе не ровня? –
Лучше с бытом совладал.
Эко новшество – лекарство,
Хлещущее, что твой кран!
Парень, не по-пролетарски
Действуешь – а что твой пан!
Стоило ж в богов и в матку
Нас, чтоб – кровь, а не рассвет! –
Класса белую подкладку
Выворотить напослед.
Вроде юнкера, на «Тоске»
Выстрелившего – с тоски!
Парень! не по-маяковски
Действуешь: по-шаховски.
Фуражечку б на бровишки
И – прощай моя джаным!
Правнуком своим проживши,
Кончил – прадедом своим.
То-то же как на поверку
Выйдет – стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.
Только раньше – в околодок,
Нынче ж...

– Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых – нету под луной.

5

Выстрел – в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.
Еще раз не осекся,
И, в точку попав – усоп.
Было – стало быть сердце,
Коль выстрелу следом – стоп.
(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит – тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?»))
Выстрел – в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто – левую мочку
Отбривши – с женой в постель.)
Молодец! Не прошибся!
А женщины ради – что ж!
И Елену паршивкой
– Подумавши – назовешь.
Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут – слевил.
Кабы в правую – свёрк бы

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ланцетик – и здрав ваш шеф.

Выстрел в левую створку:

Ну в самый-те Центропев!

6

Зёрна огненного цвета

Брошу на ладонь,

Чтоб предстал он в бездне света

Красный как огонь.

Советским вельможей,

При полном синоде...

– Здорово, Сережа!

– Здорово, Володя!

Умаялся? – Малость.

– По общим? – По личным.

– Стрелялось? – Привычно.

– Горелось? – Отлично.

– Так стало быть пожил!

– Пасс в нек'тором роде.

...Негоже, Сережа!

...Негоже, Володя!

А помнишь, как матом

Во весь свой эстрадный

Басище – меня-то

Обкладывал? – Ладно

Уж... – Вот-те и шлюпка

Любовная лодка!

Ужель из-за юбки?

– Хужей из-за водки.

Опухшая рожа

С тех пор и на взводе?

Негоже, Сережа.

– Негоже, Володя.

А впрочем – не бритва –

Сработано чисто.

Так стало быть бита

Картишка? – Сочится.

– Приложь подорожник.

– Хорош и коллодий.

Приложим, Сережа?

– Приложим, Володя.

А что на Рассее–

На матушке? – То есть

Где? – В Эсэсэсэре

Что нового? – Строят.

Родители – родят,

Вредители – точут,

Издатели – водят,

Писатели – строчут.

Мост новый заложен,

Да сбит половодьем.

Все то же, Сережа!

– Все то же, Володя.

А певчая стая?

– Народ, знаешь, тертый!

Нам лавры сплетая,

У нас, как у мертвых,

Прут. Старую Росту

Да завтрашним лаком.

Да не обойдешься

С одним Пастернаком.

Хошь, руку приложим

На ихнем безводье?

Приложим, Сережа?

– Приложим, Володя!

Еще тебе кланяется...

– А что добрый

Наш Льсан Алексаныч?

– Вон – ангелом! – Федор

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кузьмич? – На канале:

По красные щеки
Пошел. – Гумилев Николай?
– На Востоке.

(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)

– Все то же, Сережа!
– Все то же, Володя!

А коли все то же,
Володя, мил-друг мой –
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук – и –
Нет.

– Хотя и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и это
Подложим гранату!
И на раствороженном
Нами восходе –
Заложим, Сережа!
– Заложим, Володя!

7

Много храмов разрушил,
А этот – ценней всего.
Упокой, Господи, душу
Усопшего врага твоего.
Савойя, август 1930

Лучина

До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,
Что скушным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

Стихи к Пушкину

1

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен,
Пушкин – в роли монумента?
Гостя каменного? – он,
Скалозубый, нагловзорый
Пушкин – в роли Командора?
Критик – ноя, нытик – вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство – моря

Позабыли – о гранит
Бьющегося? Тот, соленый
Пушкин – в роли лексикона?
Две ноги свои – погреться –
Вытянувший и на стол
Вспрыгнувший при самодержце
Африканский самовол –
Наших прадедов умора –
Пушкин – в роли гувернера?
Черного не перекрасить
В белого – неисправим!
Недурён российский классик,
Небо Африки – своим
Звавший, невское – проклятым.
– Пушкин – в роли русопята?
Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с дурой рифмовал,
А «Европы вестник» – с...

Хочу у зеркала, где мать... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пушкин – в роли гробокопа?
К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем,
Всех живучей и живее!
Пушкин – в роли мавзолея?
То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами – хлам!
Как из душа! Как из пушки –
Пушкиным – по соловьям
Слова, соколам полета!
– Пушкин – в роли пулемета!
Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фронт!»
А куда девали пёкло
Губ, куда девали – бунт
Пушкинский? уст окаянство?
Пушкин – в меру пушкиньянца!
Томики поставив в шкафчик –
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!
Белокровье мозга, морга
Синь – с оскалом негра, горло
Кажущим...
Поскакал бы, всадник Медный,
Он со всех копыт – назад.
Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он – не трусоват.
Сей, глядевший во все страны –
В роли собственной Татьяны?
Что вы делаете, карлы,
Этот – голубей олив –
Самый вольный, самый крайний
Лоб – навеки заклеим
Низостию двуединой
Золота и середины?
«Пушкин – тога, Пушкин – схима,
Пушкин – мера, Пушкин – грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань
Площадную – попугаи.
– Пушкин? очень испугали!

1931

2

Петр и Пушкин
Не флотом, не потом, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом – из всякого ряду,
Не сносом – всего, чему срок, –
Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).
И большего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!),
Когда б не привез Ганнибала–
Арапа на белую Русь.
Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, – от внука–
то негрского – свет на Руси!
Уж он бы вертлявого – в струнку
Не стал бы! – «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер, –
Как я – машкерадный король!»
Поняв, что ни пеной, ни пемзой –

Хочу у зеркала, где муть...
Той Африки, – царь-грамотей
Решил бы: «Отныне я – цензор
Твоих африканских страстей».
И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь – не остричь!):
– Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!
Плыви – ни об чем не печалься!
Чай, есть в паруса кому дуть!
Соскучишься – так ворочайся,
А нет – хошь и дверь позабуди!
Приказ: ледяные туманы
Покинув – за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать. –
И мимо наставленной свиты,
Отставленной – прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал – по земле или над?
Сей, не по снегам смуглолицый
Российским – снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!
Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей тоже – метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!
Уж он бы с тобою – поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный – Николаем,
Пожалованный бы – Петром!
Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе – василиска
Взгляд! – не замораживал уст.
Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком –
Подонком – опенком Петра
Был сослан в румынскую область,
Да ею б – пожалован был
Сим – так ненавидевшим робость
Мужскую, – что сына убил
Сробевшего. – «Эта мякина –
я? – Вот и роди! и расти!»
Был негр ему истинным сыном,
Так истинным правнуком – ты
Останешься. Заговор равных.
И вот, не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух.
И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла..
Последний – посмертный –
бессмертный
Подарок России – Петра.
2 июля 1931
3
Станок
Вся его наука –
Мощь. Светло – гляжу.
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.
Прадеду – товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка –
Как своей рукой.
Вольному – под стопки?

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мне, в котле чудес
Сём – открытой скобки
Ведающей – вес,
Мнящейся описки –
Смысл, короче – всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!
Пелось как – поется
И поныне – так.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,
Знаем – как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю – как хотелось
В лес – на бал – в возок...
И как – спать хотелось!
Над цветком любви –
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьями!
Перья на востроты –
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!
А зато – меж талых
Свеч, картежных сеч –
Знаю – как стрясалось!
От зеркал, от плеч
Голых, от бокалов
Битых на полу –
Знаю, как бежалось
К голому столу!
В битву без злодейства:
Самого – с самим! –
Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас – им!
1931

4

Преодоление
Косности русской –
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул
На кашалотье
Туше судьбы –
Мускул полета,
Бега,
Борьбы.
С утренней негой
Бившийся – бодро!
Ровного бега,
Долгого хода –
Мускул. Побегов
Мускул степных,
Шлюпки, что к берегу
Тщится сквозь вихрь.
Не онедужен
Русскою кровью –
О, не верблюжья
И не воловья
Жила (усердство
Из-под ремня!) –
Конского сердца
Мышца – моя!
Больше балласту –
Краше осанка!
Мускул гимнаста
И арестанта,
Что на канате
Собственных жил

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Из каземата –
Соколом взмыл!
Пушкин, с монаршьих
Рук руководством
Бившийся так же
Насмерть – как бьется
(Мощь – прибывала,
Сила – росла)
С мускулом вала
Мускул весла.
Кто-то, на фуру
Несший: «Атлета
Мускулатура,
А не поэта!»
То – серафима
Сила – была:
Несокрушимый
Мускул – крыла.
10 июля 1931
Ода пешему ходу

1
В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей –
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!
Всеутёсно, всерощно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы – порог,
Дерзко попранный веком.
(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)
...Но и мстящей же вам
За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
– Нет, безногое племя,
Даль – ногами добудь!
Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам –
Божествам в сапогах!
Если есть в мире – ода
Богу сил, Богу гор –
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.
Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто – шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд – что лопается!
Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст –
Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.
– Случай?
– Дури собственной – столб.

3
Дармоедством пресытятся,
С шины – спешится внук.
Пешеходы! Держитесь –
Ног, как праотцы – рук.
Где предел для резины –
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздыху – хватит в груди!
Как поток жаждет прага,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Так восторг жаждет – трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!
По ручьям, по моренам,
Дальше – нет! Дальше – стой!
Чтобы Альпы – коленом
Знал, саванны – ступней.
Я костями, други, лягу –
За раскрытие школ!
Чтоб от первого шага
До последнего – шел
Внук мой! отпрыск мой! мускул,
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков –
На своих на двоих!
26 августа 1931 – 30 марта 1933, Медон

Дом
Из-под нахмуренных бровей
Дом – будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: – Здравствуй, я!
Так самочувственно-знаком
Лоб, прячущийся под плащом
Плюща, срastaющийся с ним,
Смущающийся быть большим.
Недаром я – грузи! вези! –
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных тущоб
Фронтоном чувствовала лоб.
Аполлонический подъем
Музейного фронтона – лбом
Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни –
Как за ветвями бузины.
Глаза – без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад,
Пустующий – сто пятьдесят.
Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.
Не сдавшиеся злобе дня
Глаза, оставшиеся – да! –
Зерцалами самих себя.
Из-под нахмуренных бровей –
О, зелень юности моей!
Та – риз моих, та – бус моих,
Та – глаз моих, та – слез моих...
Меж обступающих громад –
Дом – пережиток, дом – магнат,
Скрывающийся среди лип.
Девический дагерротип
Души моей...
6 сентября 1931, Медон
«Не нужен твой стих...»
– Не нужен твой стих –
Как бабушкин сон.
– А мы для иных
Сновидим времен.
– Докучен твой стих –
Как дедушкин вздох.
– А мы для иных
Дозорим эпох.
– В пять лет – целый свет –
Вот сон наш каков!
– Ваш – на пять лишь лет,
Мой – на пять веков.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Иди, куда дни!

– Дни мимо идут...

– ...

А быть или нет
Стихам на Руси –

Потоки спроси,

Потомков спроси.

14 сентября 1931

Стихи к сыну

1

Ни к городу и ни к селу –

Езжай, мой сын, в свою страну, –

В край – всем краям наоборот!

Куда назад идти – вперед

Идти, – особенно – тебе,

Руси не видывавшее

Дитя мое... Мое? Ее –

Дитя! То самое былье,

Которым порастает быль.

Землицу, стершуюся в пыль, –

Ужель ребенку в колыбель

Нести в трясущихся горстях:

«Русь – это прах, чти – этот прах!»

От неиспытанных утрат –

Иди – куда глаза глядят!

Всех стран – глаза, со всей земли –

Глаза, – и синие твои

Глаза, в которые гляжусь:

В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!

Русь – прадедам, Россия – нам,

Вам – просветители пещер –

Призывное: СССР, –

Не менее во тьме небес

Призывное, чем: SOS.

Нас родина не позовет!

Езжай, мой сын, домой – вперед –

В свой край, в свой век, в свой час, – от нас –

В Россию – вас, в Россию – масс,

В наш-час – страну! в сей-час – страну!

В на-Марс – страну! в без-нас – страну!

январь 1932

2

Наша совесть – не ваша совесть!

Полно! – Вольно! – О всем забыв,

Дети, сами пишите повесть

Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота –

Вот семейственный ваш альбом!

Дети! Сами сводите счета

С выдаваемым за Содом –

Градом. С братом своим не дравшись –

Дело чисто твое, кудряш!

Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час,

Наш грех, наш крест, наш спор, наш –

Гнев. В сиротские пелеринки

Облаченные отродясь –

Перестаньте справлять поминки

По Эдему, в котором вас

Не было! по плодам – и видом

Не видали! Поймите: слеп –

Вас ведущий на панихиду

По народу, который хлеб

Ест и вам его даст, – как скоро

Из Мёдона – да на Кубань.

Наша ссора – не ваша ссора!

Дети! Сами творите брань

Дней своих.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
январь 1932

3

Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту – спортсмедным
Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют,
В сём полагая цель.
Ибо – в любую щель –
я с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.
Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки, –
Нет, ни одним из тех,
Дописанных, как лист,
Которым – только смех
Остался, только свист
Достался от отцов!
С той стороны весов
я – с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.
Но так же – ни одним
Из нас – досадных внукам!
Кем будешь – Бог один...
Не будешь кем – порукой –
я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом!
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом
Страны своей.

22 января 1932

Родина

О неподатливый язык!
Чего бы попросту – мужик,
Пойми, певал и до меня:
– Россия, родина моя!
Но и с калужского холма
Мне открывалася она –
Даль, – тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!
Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь –
Рок, что повсюду, через всю
Даль – всю ее с собой несусь!
Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»

Со всех – до горних звезд –
Меня снимающая мест!
Недаром, голубей воды,
я далью обдавала лбы.
Ты! Сей руки своей лишусь –
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля –
Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

«Над воронным утесом – белой зари рукав...»
Над воронным утесом –
Белой зари рукав.
Ногу – уже с заносом
Бега – с трудом вкопав
В землю, смеясь, что первой
Встала, в зари венце, –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Макс, мне было так верно
Ждать на твоём крыльце!
Позже, отвесным полднем,
Под колокольцы коз,
С всхолмья да на всхолмье,
С глыбы да на утес,
По трехсаженным креслам, –
Тропам иных эпох! –
Макс, мне было так лестно
Лезть за тобою – Бог
Знает куда. Да, виды
Видящим – путь скалист.
С глыбы на пирамиду,
С рыбы – на обелиск...
Ну, а потом на плоской
Вышке – орлы вокруг –
Макс, мне было так просто
Есть у тебя из рук,
Божьих или медвежьих,
Опережавших «дай»,
Рук неизменно-бережных,
За воспаленный край
Раны умевших братья
В веры сплошном луче.
Макс, мне было так братски
Спать на твоём плече!
Горы... Себе на горе
Видится мне одно
Место: с него – два моря
Были видны по дну
Бездны... Два моря сразу.
Дщери иной поры,
Кто вам свои два глаза
Преподнесет с горы?
Только теперь, в подполье,
Вижу, – когда потух
Свет – до чего мне вольно
Было в обхвате двух
Рук твоих. В первых встречных
Царстве – и сам суди,
Макс, до чего мне вечно
Было в твоей груди!
Пусть ни единой травки, –
Площе, чем на столе, –
Макс, мне будет так мягко
Спать на твоей скале.
28 октября 1932, Клармар
«Никуда не уехали – ты да я...»
Никуда не уехали – ты да я –
Обернулись прорезами – все моря!
Совладельцам пятерки рваной –
Океаны не по карману!
Нищеты вековечная сухомьять!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море – мелью:
Наше лето – другие съели!
С жиру лопающиеся: жир – их «лоск»,
Что не только что масло едят, а мозг
Наш – в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах!
Нами лакомящиеся: франк – за вход.
О, урод, как водой туалетной – рот
Сполоснувший – бессмертной песней!
Будьте прокляты вы – за весь мой
Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти,
Пятью пальцами – да от всех пяти
Чувств – на память о чувствах добрых –
Через всё вам лицо – автограф!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1932 – лето 1935, Фавьер

Стол

1

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял – как шрам.
Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грёз –
Спасибо – что нес и нес.
Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
(Соблазнам мирским порог)
Всем радостям поперек,
Всем низостям – наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды – всему, всему.
Мой заживо смертный тѣс!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных – большал, ширел,
Так ширился, до широт –
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
– Меня заливал, как шtrand!
К себе пригвоздив чуть свет –
Спасибо за то, что – вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах –
Беглянку.

– Назад, на стул!

Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал – как маг –
Сомнамбулу.
Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!
Столп столпника, уст затвор –
Ты был мне престол, простор –
Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп!
Так будь же благословен –
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, – как пила
В грудь вѣевшийся – край стола!
Июль 1933

4

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что – стол
Дал, стойкий, врагам на страх –
Стол – на четырех ногах
Упорства. Скорей – скалу
Своротись! И лоб – к столу
Подстатный, и локоть под –
Чтоб лоб свой держать, как свод.
– А прочего дал в обрез?
А прочный – во весь мой вес,
Просторный – во весь мой бег,
Стол – вечный – на весь мой век!
Спасибо тебе, Столяр,
За доску – во весь мой дар,
За ножки – прочней химер
Парижских, за вещь – в размер.

5

Хочу у зеркала, где муть...
Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать – столом,
Остался – живым стволом!
С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами живой смолы,
С корнями до дна земли!

17 июля 1933

6

Квиты: вами я объедена,
Мною – живописаны.
Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный.
Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.
Всяк на выбранном заранее –
Много до рождения! –
Месте своего деяния,
Своего радения:
Вы – с отрывками, я – с книжками,
С трюфелем, я – с грифелем,
Вы – с оливками, я – с рифмами,
С пикулем, я – с дактилем.
В головах – свечами смертными –
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам – дорогою!
Табачку пыхнем гаванского
Слева вам – и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам – да саваном!
А чтоб скатертью не тратиться –
В яму, место низкое,
Вытряхнут вас всех со скатерти:
С крошками, с огрызками.
Каплуном-то вместо голубя
– Порх! – душа – при вскрытии.
А меня положат – голуу:
Два крыла прикрытием.

1933

«Вскрыла жилы: неостановимо...»
Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет – мелкой,
Миска – плоской.

Через край – и мимо –
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

6 января 1934

Куст

1

Что нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечьей, кляня
Которую – голову прячу
В него же (седей – день от дня!).
Сей мощи, и плечи, и гущи –
Что нужно кусту – от меня?
Имущему – от неимущей!
А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б – тогда бы не цвел
Мне прямо в разверстую душу,

Хочу у зеркала, где муть...
Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Что, полная чаша куста,
Находишь на сем – месте пусте?
Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?
А вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, –
Да разве я то говорю,
Что знала, пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той – за которой осколки...
И снова, во всей полноте
Знать буду, как только умолкну.
2

А мне от куста – не шуми
Минуточку, мир человеческий! –
А мне от куста – тишины:
Той, – между молчаньем и речью,
Той, – можешь – ничем, можешь – всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных – невнятицы дивной.
Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.
Той – до всего, после всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну – шума ушного того,
Всё соединилось в котором.
Как будто бы все кувшины
Востока – на лобное всхолмье.
Такой от куста тишины,
Полнее не выразишь: полной.
Около 20 августа 1934
«Уединение: уйди в себя, как прадеды в феоды...»
Уединение: уйди
В себя, как прадеды в феоды.
Уединение: в груди
Ищи и находи свободу.
Чтоб ни души, чтоб ни ноги –
На свете нет такого саду
Уединению. В груди
Ищи и находи прохладу.
Кто победил на площади –
Про то не думай и не ведай.
В уединении груди –
Справляй и погребай победу.
Уединение в груди.
Уединение: уйди,
Жизнь!
Сентябрь 1934
Сад
За этот ад,
За этот бред
Пошли мне сад
На старость лет.
На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...
На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет –
Прохладный сад...

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Для беглеца

Мне сад пошли:

Без ни – лица,

Без ни – души!

Сад: ни шажка!

Сад: ни глазка!

Сад: ни смешка!

Сад: ни свистка!

Без ни-ушка

Мне сад пошли:

Без ни-душка!

Без ни-души!

Скажи: – Довольно муки – на

Сад, одинокий, как сама.

(Но около и сам не стань!)

Сад, одинокий, как я сам.

Такой мне сад на старость лет...

– Тот сад? А может быть – тот свет? –

На старость лет моих пошли –

На отпущение души.

1 октября 1934

«Тоска по родине! Давно...»

Тоска по родине! Давно

Разоблаченная морока!

Мне совершенно все равно –

Где – совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой

Брести с кошелкою базарной

В дом, и не знающий, что – мой,

Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди

Лиц ошетиливаться пленным

Львом, из какой людской среды

Быть вытесненной – непременно –

В себя, в единоличье чувств.

Камчатским медведём без льдины

Где не ужиться (и не тшусь!),

Где унижаться – мне едино.

Не обольщусь и языком

Родным, его призывом млечным.

Мне безразлично, на каком

Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн

Глотателем, доильцем сплетен...)

Двадцатого столетья – он,

А я – до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,

Оставшееся от аллеи,

Мне все – равны, мне всё – равно,

И, может быть, всего равнее –

Роднее бывшее – всего.

Все признаки с меня, все меты,

Все даты – как рукой сняло:

Душа, родившаяся – где-то.

Так край меня не уберег

Мой, что и самый зоркий сыщик

Вдоль всей души, всей – поперек!

Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,

И всё – равно, и всё – едино.

Но если по дороге – куст

Встает, особенно – рябина...

1934

Надгробие

1

«Иду на несколько минут...»

В работе (хаосом зовут

Бездельники) оставив стол,

Хочу у зеркала, где мать... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Отставив стул – куда ушел?
Опрашиваю весь Париж.
Ведь в сказках лишь да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа – куда ушла?
В шкафу – двустворчатом, как храм, –
Гляди: все книги по местам.
В строке – все буквы налицо,
Твое лицо – куда ушло?
Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо –
Куда ушло?
3 января 1935

3
За то, что некогда, юн и смел,
Не дал мне заживо сгнить меж тел
Бездушных, замертво пасть меж стен, –
Не дам тебе – умереть совсем!
За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист –
Вязанками приносил мне в дом! –
Не дам тебе – порости быльем!
За то, что первых моих седин
Сыновней гордостью встретил – чин,
Ребячьей радостью встретил – страх, –
Не дам тебе – поседеть в сердцах!
7–8 января 1935

«Есть счастливицы и счастливицы...»
Есть счастливицы и счастливицы,
Петь не могущие. Им –
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю – ливнем проливным!
Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж – призвание как плеть –
Меж стенания надгробного
Долг повелевает – петь.
Пел же над другом своим Давид,
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошел в Аид
Сам, а послал бы голос
Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога лишним
Встав, – Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...
Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное – взято.
Январь 1935

Дом
Лопушиный, ромашный
Дом – так мало домашний!
С тем особенным взглядом
Душ – тяжелого весу.
Дом, что к городу – задом
Встал, а передом – к лесу.
По-медвежьи – радушен,
По-оленьи – рогат.
Из которого души
Во все очи глядят –
Во все окна! С фронтона –
Вплоть до вросшего в глину –
Что окно – то икона,
Что лицо – то руина
И арена... За старым
Мне и жизнь и жилье
Заменившим каштаном –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Есть окно и мое.

А рубахи! Как взмахи
Рук над жизнью разбитой!
О, прорехи! Рубахи!
Точно стенопись битвы!
Бой за су-ще-ство-ванье.
Так и ночью и днем
Всех рубах рукавами
С смертью борется дом.
Не рассевшийся сиднем
И не пахнувший сдобным.
За который не стыдно
Перед злым и бездомным:
Не стыдятся же башен
Птицы, ночь переспав...
Дом, который не страшен
В час народных расправ!
Между 27 июля и 10 сентября 1935
Стихи сироте

1

Ледяная тиара гор –
Только бренному лику рамка.
Я сегодня плющу – пробор
Провела на граните замка.
Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан –
Как ребенка за подбородок.
16–17 августа 1936

2

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короной скал.
(Занимаю тебя разговором –
чтобы легче дышал, крепче спал.)
феодалного замка боками,
Меховыми руками плюща –
Знаешь – плющ, обнимающий камень –
В сто четыре руки и ручья?
Но не жимолость я – и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплющен, а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!
...Кругом клумбы и кругом колодца,
Куда камень придет – седым!
Круговой порукой сиротства,
Одиночеством – круглым моим!
(Так вплелась в мои русые пряди
Не одна серебристая прядь!)
...И рекой, разошедшейся на две,
чтобы остров создать – и обнять.
Всей Савойей, и всем Пьемонтом,
И – немножко хребет надлома –
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым – и руками двумя!
21–24 августа 1936

6

Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне.
Что для ока – радуга,
Злаку – чернозем –
Человеку – надоба
Человека – в нем.
Мне дождя, и радуги,
И руки – нужней
Человека надоба
Рук – в руке моей.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Это – шире Ладоги
И горы верней –
Человека надоба
Ран – в руке моей.
И за то, что с язвою
Мне принес ладонь –
Эту руку – сразу бы
За тебя в огонь!
11 сентября 1936
Стихи к Чехии
Сентябрь

1

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов – моря.
Стало чехам – море
Слез: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.
Не бездельной, птичьей –
Божьей, человеческой.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий
Всех – на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы –
Всем. Огня и дома –
Всем. Игры, науки –
Всем. Труда – любому –
Лишь бы были руки.
На поле и в школе –
Глянь – какие всходы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.
Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось – всей горстью,
Строилось – всей честью.
Два десятилетия
(да и то не целых!),
Как нигде на свете,
Думалось и пелось.
Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:
– Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.
На орлиных скалах
Как орел рассевшись –
Что с тобою случилось,
Край мой, рай мой чешский?
Горы – откололи,
Оттянули – воды...
...Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.
В селах – счастье ткалось
Красным, синим, пестрым.
Что с тобою случилось,
Чешский лев двуххвостый?
Лисы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы!
Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава!
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава – слава.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Лишь на час – не боле –
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи –
Белый день свободы!
12 ноября 1938

2
Горы – турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы – в небеса.
Край всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы – родина
Сына моего.
Долы – ланям пастбище,
Не смутить зверья –
Хата крышей застится,
А в лесу – ружья –
Сколько бы ни пройдено
Верст – ни одного.
Эти доли – родина
Сына моего.
Там растила сына я,
И текли – вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?
...Празднует смородина
Лета торжество.
Эти хаты – родина
Сына моего.
Было то рождение
В мир – рождением в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Славный край!»
Все дары природные,
Все – до одного!
Пощеднее родины
Сына – моего!
Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Добрый труд!»
Всё было – безродного
Лишь – ни одного
Не было – на родине
Сына моего.
Прокляты – кто заняли
Тот смиренный рай
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...
Трекляты – кто продали, –
Век не прощены! –
Вековую родину,
Всех, кто без страны!
Край мой, край мой, проданный
Весь, живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,
С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
– Родина!
Родина моя!
Богова! Богемия!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обеими
И опять подаст!
В клятве руку подняли

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Все твои сыны –
Умереть за родину
Всех – кто без страны!
Между 12 и 19 ноября 1938
Март
4
Германии

О дева всех румянее
Среди зеленых гор –
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!
Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь – сказками туманила,
Днесь – танками пошла.
Пред чешскою крестьянкою –
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?
Пред горестью безмерною
Сей маленькой страны –
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны??
О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!
С объятьями удавими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, словачь!
В хрустальное подземие
Уйдя – готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!

9-10 апреля 1939

8

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!
О, черная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей
Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.
15 марта – 11 мая 1939
Поэмы
Поэма заставы

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

А покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.
А покамест еще в тенётах
Не увязла – людских кривизн,
Буду брать – труднейшую ноту,
Буду петь – последнюю жизнь!

Жалобу труб.
Рай огородов.
Заступ и зуб.
Чуб безбородых.
День без числа.
Верба зачахла.
Жизнь без чехла:
Кровью запахло!
Потных и плотных,
Потных и тощих:
– Ну да на площадь?! –
Как на полотнах –
Как на полотнах
Только – и в одах:
Рев безработных,
Рев безбородых.
Ад? – Да,
Но и сад – для
Баб и солдат,
Старых собак,
Малых ребят...
«Рай – с драками?
Без – раковин
От устриц?
Без люстры?
С заплатами?!»
– Зря плакали:
У всякого –
Свой.

...

Здесь страсти поджары и ржавы:
Держав динамит!
Здесь часто бывают пожары:
Застава горит!
Здесь ненависть оптом и скопом:
Расправ пулемет!
Здесь часто бывают потопы:
Застава плышет!
Здесь плачут, здесь звоном и воем
Рассветная тишь.
Здесь отрочества под конвоем
Щебечут: шалишь!
Здесь платят! Здесь – Богом и Чертом,
Горбом и торбой!
Здесь молодости, как над мертвым,
Поют над собой.

...

Здесь матери, дитя заспав...
– Мосты, пески, кресты застав! –
Здесь, младшую купцу пропив,
Отцы...
– Кусты, кресты крапив.
– Пусти.
– Прости.

23 апреля 1923

Поэма горы

Liebster, Dich wundert die Rede? Alle Scheidenden reden wie Trunkene und nehmen gerne sich festlich...

Holderlin [5]

Посвящение

Вздогнешь – и горы с плеч,
И душа – горе!

Дай мне о горе спеть:

О моей горе.

Черной ни днесь, ни впредь

Не заткну дыры.

Дай мне о горе спеть

На верху горы.

I

Та гора была, как грудь

Рекрута, снарядам сваленного.

Та гора хотела губ

Девственных, обряда свадебного

Требовала та гора.

Океан в ушную раковину

Вдруг ворвавшимся ура!

Та гора гнала и ратовала.

Та гора была, как гром.

Зря с титанами заигрываем!

Той горы последний дом

Помнишь – на исходе пригорода?

Та гора была – миры!

Бог за мир взывает дорого.

Горе началось с горы.

Та гора была над городом.

II

Не Парнас, не Синай –

Просто голый казарменный

Холм – равняйся! стреляй!

Отчего же глазам моим

(Раз октябрь, а не май)

Та гора была – рай?

III

Как на ладони поданный

Рай – не берись, коль жгуч!

Гора бросалась под ноги

Колдобинами круч.

Как бы титана лапами

Кустарников и хвой,

Гора хватала за полы,

Приказывала: – стой!

О, далеко не азбучный

Рай – сквознякам сквозняк!

Гора валила навзничь нас,

Притягивала: – ляг!

Оторопел под натиском,

Как? не понять и днесь!

Гора, как сводня – святости

Указывала: – здесь...

IV

Персефоны зерно гранатовое!

Как забыть тебя в стужах зим?

Помню губы, двойною раковиной

Приоткрывшиеся моим.

Персефона, зерном загубленная!

Губ упорствующий багрец,

И ресницы твои – зазубринами,

И звезды золотой зубец...

V

Не обман – страсть, и не вымысел,

И не лжет, – только не дли!

О, когда бы в сей мир явились мы

Простолюдинами любви!

О, когда б, здраво и попросту:

Просто – холм, просто – бугор...

(Говорят, тягою к пропасти

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Измеряют уровень гор.)
В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой...
(Высота бреда над уровнем
Жизни.)

– На же меня! Твой.
Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет – увы!
Оттого что в сей мир явились мы –
Небожителями любви!

VI

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.
Гора горевала о нашей дружбе:
Губ – непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудется – по слезам его.
Еще говорила гора, что – табор
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком – отпустил Агарь!
Еще говорила, что это – демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила, мы были немые.
Предоставляли судить горе.

VII

Гора горевала, что только грустью
Станет – что ныне и кровь и зной,
Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой.
Гора горевала, что только дымом
Станет – что ныне и мир, и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем другим!).
Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев – долг и страсть.
Гора горевала о нашем горе –
Завтра! не сразу! когда над лбом –
Уж не мemento, а просто – море! [6]
Завтра, когда пойдем.
Звук... Ну как будто бы кто-то просто –
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи –
В жизнь, про которую знаем все мы:
Сброд – рынок – барак...
Еще говорила, что все поэмы
Гор – пишутся – так.

VIII

Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и до ночи мы
Жизнь свою – как карту бьем!
Страстные, не быть упорствуем.
Наравне с медвежьим рвом –
И двенадцатью апостолами –
Чтите мой угрюмый грот.
(Грот, была – и волны впрыгивали!)
Той игры последний ход
Помнишь – на исходе пригорода?
Та гора была – миры!
Боги мстят своим подобиям.
Горе началось с горы.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Та гора на мне – надгробием.

IX

Минут годы, и вот означенный
Камень, плоским смененный, снят.
Нашу гору застроят дачами, –
Палисадниками стеснят.
Говорят, на таких окраинах
Воздух чище и легче жить.
И пойдут лоскуты выкраивать,
Перекладами рябить,
Перевалы мои выструнивать,
Все овраги мои вверх дном!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Дома – в счастье, и счастья в дом!
Счастья – в доме, любви без вымыслов,
Без вытягивания жил!
Надо женщиной быть – и вынести!
(Было-было, когда ходил,
Счастье – в доме!) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет – мужей и жен.
И на том же блаженном воздухе
– Пока можешь еще – грехи! –
Будут лавочники на отдыхе
Пережевывать барыши,
Этажи и ходы надумывать –
Чтобы каждая нитка – в дом!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом.

X

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора – игры.
Есть беспутные, нет беспамятных:
Горы времени – у горы!
По упорствующим расселинам
Дачник, поздно хватясь, поймет:
– Пригорок, поросший семьями, –
Кратер, пущенный в оборот!
Виноградниками Везувия
Не сковать! Великана льном
Не связать! Одного безумия
Уст – достаточно, чтобы львом
Виноградники заворочались,
Лаву ненависти струя.
Будут девками ваши дочери
И поэтами – сыновья!
Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!
Да не будет вам места злчного,
Телеса, на моей крови!
Тверже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
– Да не будет вам счастья дольного,
Муравьи, на моей горе!
В час неведомый, в срок негаданный
Опознаете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой.

Послесловие

Есть пробелы в памяти, бельма
На глазах: семь покрывал...
Я не помню тебя – отдельно.
Вместо черт – белый провал.
Без примет. Белым пробелом –
Весь. (Душа, в ранах сплошных,
Рана – сплошь.) Частности мелом
Отмечать – дело портных.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Небосвод – цельным основан.
Океан – скопище брызг?
Без примет. Верно – особый –
весь. Любовь – связь, а не сыск.
Вороной, русой ли масти –
Пусть сосед скажет: он зряч.
Разве страсть – делит на части?
Часовщик я или врач?
Ты – как круг, полный и цельный.
Цельный вихрь, полный столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.
(В ворохах сонного пуха
– Водопад, пены холмы –
Новизной, странной для слуха,
Вместо: я – тронное: мы...)
Но зато, в нищей и тесной
Жизни – «жизнь, как она есть» –
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:
– Памяти мечь.
январь 1924, Прага, Смиховский холм – декабрь 1939, Голицыно, Дом писателей
Поэма конца

1
В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на означенном месте,
Как судьба.
– Без четверти. Исправен?
– Смерть не ждет. –
Преувеличенно-плавлен
Шляпы взлет.
В каждой реснице – вызов,
Рот сведен.
Преувеличенно-низок
Был поклон.
– Без четверти. Точен? –
Голос лгал.
Сердце упало: что с ним?
Мозг: сигнал!
...
Небо дурных предвестий:
Ржавь и жесть.
Ждал на обычном месте.
Время: шесть.
Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так – государыням руку,
Мертвым – так...
Мчащийся простолюдин
Локтем – в бок.
Преувеличенно-нуден
Взвыл гудок.
Взвыл – как собака, взвизгнул,
Длился, злясь.
(Преувеличенность жизни
в смертный час.)
То, что вчера – по пояс,
Вдруг – до звезд.
(Преувеличенно, то есть:
во весь рост.)
Мысленно: милый, милый.
– Час? – Седьмой.
В кинематограф, или?... –
Взрыв: – Домой!

2
Братство таборное, –
Вот куда вело!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Гроном на голову,
Саблей наголо,
Всеми ужасами
Слов, которых ждем,
Домом рушащимся, –
Слово: дом.
Заблудшего баловня
Вопль: домой!
Дитя годовалое:
«Дай» и «мой»!
Мой брат по беспутству,
Мой зноб и зной,
Так из дому рвутся,
Как ты – домой!

...
Конем, рванувшим коновязь –
Ввысь! – и веревка в прах.
– Но никакого дома ведь!
– Есть, – в десяти шагах:
Дом на горе. – Не выше ли?
– Дом на верху горы.
Окно под самой крышею.
– «Не от одной зари
Горящее?» Так сызнова
Жизнь? – Простота поэм!
Дом, это значит: из дому
В ночь.

(О, кому повем
Печаль мою, беду мою,
Жуть, зеленее льда?...) –
– Вы слишком много думали. –
Задумчивое: – Да.

3
И – набережная. Воды
Держусь, как толщи плотной.
Семирамидины сады
Висячие – так вот вы!
Воды (стальная полоса
Мертвецкого оттенка)
Держусь, как нотного листка –
Певица, края стенки –
Слепец... Обрато не отдашь?
Нет? Наклонюсь – услышишь?
Всеутолительницы жажд
Держусь, как края крыши
Лунатик...

Но не от реки
Дрожь, – рождена наядой!
Реки держаться, как руки,
Когда любимый рядом –
И верен...

Мертвые верны.
Да, но не всем в каморке...
Смерть с левой, с правой стороны –
Ты. Правый бок как мертвый.
Разительного света сноп.
Смех – как грошовый бубен.
– Нам с вами нужно бы...
(Озноб.)

– Мы мужественны будем?

4
Тумана белокурого
Волна – воланом газовым.
Надышано, накурено,
А главное – насказано!
Чем пахнет! Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И бальным порошком.
Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное – насчитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.
(Вполоборота: это вот –
Наш дом? – Не я хозяйкою!)
Один – над книжкой чековой,
Другой – над ручкой лайковой,
А тот – над ножкой лаковой
Работает тишком.
...Коммерческими браками
И бальным порошком.
Серебряной зазубриной
В окне – звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное – натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь – не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.
Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы – телятину
Жуют. Над шейкой сахарной
Чёрт – газовым рожком.
...Коммерческими крахами
И неким порошком –
Бертольда Шварца...
Даровит
Был, и заступник людям.
– Нам с вами нужно говорить.
Мы мужественны будем?
5
Движение губ ловлю.
И знаю – не скажет первым.
– Не любите? – Нет, люблю.
– Не любите! – Но истерзан,
Но выпит, но изведен.
(Орлом озирая местность):
– Помилуйте, это – дом?
– Дом – в сердце моем. – Словесность!
Любовь – это плоть и кровь.
Цвет, собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь –
Беседовать через столик?
Часочек – и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
– Храм?
Дитя, замените шрамом
На шраме! – Под взглядом слуг
И бражников? (Я, без звука:
«Любовь – это значит лук
Натянутый – лук: разлука».)
Любовь, это значит – связь.
Всё врозь у нас: рты и жизни.
(Просила ж тебя: не сглазь!
В тот час, в сокровенный, ближний,
Тот час на верху горы
И страсти. Memento[7] – паром:
Любовь – это все дары
В костер, и всегда – задаром!)

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Рта раковинная щель

Бледна. Не усмешка – опись.

– И прежде всего одна

Постель.

– Вы хотели: пропасть

Сказать? – Барабанный бой

Перстов. – Не горами двигать!

Любовь, – это значит...

– Мой.

Я вас понимаю. Вывод?

...

Перстов барабанный бой

Растет. (Эшафот и площадь.)

– Уедем. – А я: умрем,

Надеялась. Это проще!

Достаточно дешевизн:

Рифм, рельс, номеров, вокзалов...

– Любовь – это значит: жизнь.

– Нет, иначе называлось

У древних...

– Итак? –

Лоскут

Платка в кулаке, как рыба.

– Так едемте? – Ваш маршрут?

Яд, рельсы, свинец – на выбор!

Смерть – и никаких устройств!

– Жизнь! – Как полководец римский,

Орлом озирая войск

Остаток.

– Тогда простимся.

6

– Я этого не хотел.

Не этого. (Молча: слушай!

Хотеть – это дело тел,

А мы друг для друга – души

Отныне...) – И не сказал.

(Да, в час, когда поезд подан,

Вы женщинам, как бокал,

Печальную честь ухода

Вручаете...) – Может, бред?

Ослышался? (Лжец учтивый,

Любовнице, как букет,

Кровавую честь разрыва

Вручающий...) – Внятно: слог

За слогом, итак – простимся,

Сказали вы? (Как платок,

В час сладостного бесчинства

Уроненный...) – Битвы сей

Вы – Цезарь. (О, выпад наглый!

Противнику – как трофей,

Им отданную же шпагу

Вручать!) – Продолжает. (Звон

В ушах...) – Преклоняюсь дважды:

Впервые опережен

В разрыве. – Вы это каждой?

Не опровергайте! Месть,

Достойная Ловеласа.

Жест, делающий вам честь,

А мне разводящий мясо

От кости. – Смешок. Сквозь смех –

Смерть. Жест. (Никаких хотений,

Хотеть, это дело тех,

А мы друг для друга – тени

Отныне...) Последний гвоздь

Вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.

– Последнейшая из просьб.

– Прошу. – Никогда ни слова

О нас... Никому из... ну...

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Последующих. (С носилок
Так раненые – в весну!)
– О том же и вас просила б.
Колечко на память дать?
– Нет. – Взгляд широко-разверстый,
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень
На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
– Но книгу тебе? – Как всем?
Нет, вовсе их не пишете,
Книг...

...
Значит, не надо.
Значит, не надо.
Плакать не надо.
В наших бродячих
Братствах рыбачьих
Пляшут – не плачут.
Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят – не плачут.
Жемчуг в стакане
Плавят – и миром
Правят – не плачут.
– Так я ухожу? – Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей – как кость
Презреннейшее из первенств
Бросающий: честь конца,
Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы
и – чище бы...

Зубы
Втиснула в губы.
Плакать не буду.
Самую крепость –
В самую мякоть.
Только не плакать.
В братствах бродячих
Мрут, а не плачут.
Жгут, а не плачут.
В пепел и в песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.
– Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит? Впрочем,
ведь даже на эшафот
Нас первыми просят...
– Срочно
Прошу, не глядите! – Взгляд.
(Вот-вот уже хлынут градом!
Ну как их загнать назад
В глаза?!) – Говорю, не надо
Глядеть!!!
Внятно и громко,
Взгляд в вышину:
– Милый, уйдемте,
Плакать начну!

...
Забыла! Среди копилки
живых (коммерсантов – тож!)
Белокурый сверкнул затылок:
Маис, кукуруза, рожь!
Все заповеди Синая
Смывая – менады мех! –
Голконда волосая,

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Сокровищница утех –
(Для всех)! Не напрасно копит
Природа, не сплошь скупа!
Из сих белокурых тропик,
Охотники, – где тропа
Назад? Наготовю грубой
Дразня и слепя до слез,
Сплошным золотым прелюбом
Смеющимся пролилось.
– Не правда ли? – Льнущий, мнущий
Взгляд. В каждой реснице – зуд.
– И главное – это гуща!
Жест, скручивающий в жгут.
О, рвущий уже одежды
Жест! Проще, чем пить и есть –
Усмешка! (Тебе надежда,
Увы, на спасенье есть!)
И – сестрински или братски?
Союзнически: союз!
– Не похоронив – смеяться!
(И похоронив – смеюсь.)

7

И – набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки,
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки –
Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не выслал небосвод.
Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Страшущимися сопреступниками
Бредем. (Убитое – любовь.)
Брось! Разве это двое любящих?
В ночь? Порознь? С другими спать?
– Вы понимаете, что будущее –
Там? – Запрокидываюсь вспять.
– Спать! – Новобрачными по коврику...
– Спать! – Всё не попадаем в шаг,
в такт. Жалобно: – Возьмите под руку!
Не каторжники, чтобы так!..
Ток. (Точно мне душою – на руку
Лег! – На руку рукою.) Ток
Бьет, проводами лихорадочными
Рвет, – на душу рукою лег!
Льнет. Радужное всё! Что радужнее
Слез? занавесом, чаще бус,
Дождь. – Я таких не знаю набережных
Кончающихся. – Мост – и:
– Ну-с?
Здесь? (Дроги поданы.)
Спо – койных глаз
Взлет. – Можно до дому?
В по – следний раз!

8

По – следний мост.
(Руки не отдам, не выну!)
Последний мост,
Последняя мостовина.
Во – да и твердь.
Выкладывают монеты.
День – га за смерть,
Харонова мзда за Лету.
Мо – неты тень
В руке теневой. Без звука
Мо – неты те.
Итак, в теневую руку –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мо – неты тень.
Без отсвета и без звяка.
Мо – неты – тем.
С умерших довольно маков.
Мост.
Бла – гая часть
Любowników без надежды:
Мост, ты – как страсть:
Условность: сплошное между.
Гнезжусь: тепло,
Ребро – потому и льну так.
Ни до, ни по:
Прозрения промежутки!
Ни рук, ни ног.
Всей костью и всем упором:
Жив только бок,
О смежный теснюсь которым.
Вся жизнь – в боку!
Он – ухо, и он же – эхо.
Желтком к белку
Леплюсь, самоедом к меху
Теснюсь, леплюсь,
Мощусь. Близнецы Сиам.
Что – ваш союз?
Та женщина – помнишь: мамой
Звал? – всё и вся
Забыв, в торжестве недвижимом
Те – бя нося,
Тебя не держала ближе.
Пойми! Сжились!
Сбылись! На груди баюкал!
Не – брошусь вниз!
Нырять – отпускать бы руку
При – шлось. И жмусь,
И жмусь... И неотторжима.
Мост, ты не муж:
Любовник – сплошное мимо!
Мост, ты за нас!
Мы реку телами кормим!
Плю – щом впилаась,
Клещом: – вырывайте с корнем!
Как плющ! как клещ!
Безбожно! Бесчеловечно!
Бро – сать, как вещь,
Меня, ни единой вещи
Не чтившей в сём
Вещественном мире дутом!
Скажи, что сон!
Что ночь, а за ночью – утро,
Эк – спресс и Рим!
Гренада? Сама не знаю,
Смахнув перин
Монбланы и Гималаи.
Про – гал глубок:
Последнею кровью грею.
Про – слушай бок!
Ведь это куда вернее
Сти – хов... Прогрет
Ведь? Завтра к кому наймешься?
Ска – жи, что бред!
Что нет и не будет мосту
Кон – ца...
– Конец.

...
– Здесь? – Детский, божеский
жест. – Ну-с? – Впилаась.
– Е – ще немножечко:
В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей, и вдов
От друзей – тебе, подноготную
Тайну Евы от древа, – вот:
я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.
Жжет... Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь, вздорная,
Именуемая душа.
Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
да ее никогда и не было!
Было тело, хотелось жить,
жить не хочет.

...

Прости меня! Не хотела!
Вопль испортого нутра!
Так смертники ждут расстрела
В четвертом часу утра
За шахматами... Усмешкой
Дразня коридорный глаз.
Ведь шахматные же пешки!
И кто-то играет в нас.
кто? Боги благие! Воры?
Во весь окоем глазка –
Глаз. Красного коридора
Лязг. Вскинутая доска.
Махорочная затяжка.
Сплёв, пожили, значит, сплёв.
...По сим тротуарам в шашку
Прямая дорога в ров
И в кровь. Потайное око:
Луны слуховой глазок...

...

И покосившись сбоку:
– Как ты уже далек!
10
Совместный и сплоченный
Вздорг. – Наша молочная!
Наш остров, наш храм,
Где мы по утрам –
Сброд! Пара минутная! –
Справляли заутреню.
Базаром и закисью,
Сквозь-сном и весной...
Здесь кофе был пакостный, –
Совсем овсяной!
(Овсом своенравие
Гасить в рысаках!)
Отнюдь не Аравией –
Аркадией пах
Тот кофе...
Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,
Бывалой и жалостной, –
Любовниц седых
Улыбкою бережной:
увянешь! живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви, –
А главное – юности!
Смешку – без причин,
Усмешке – без умысла,
Лицу – без морщин, –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О, главное – юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей
В молочную тусклую: –
Бурнус и Тунис! –
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...
(Дружочек, не жалуясь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце
Голландского глаженья...

...
Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
– Наша улица! – Уже не наша... –
– Сколько раз по ней...
– Уже не мы... –
– Завтра с западу встанет солнце!
– С Иеговой порвет Давид!
– Что мы делаем? – Расстаемся.
– Ничего мне не говорит
Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас – стаемся. – Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.
Стой! По-сербски и по-кroatски,
Верно, Чехия в нас чудит?
Рас – ставание. Расставаться...
Сверхъестественнейшая дичь!
Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание – не по-русски!
Не по-женски! не по-мужски!
Не по-божески! Что мы – овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание – по-каковски?
Даже смысла такого нет,
Даже звука! Ну, просто полый
Шум – пилы, например, сквозь сон.
Расставание – просто школы
Хлебникова соловьиный стон,
Лебединый...

Но как же вышло?
Точно высохший водоем –
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться – ведь это гром
На голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы – слишком круты:
Расставаться – ведь это вниз,
Под гору... Двух подошв пудовых
Вздых... Ладонь, наконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:
Расставаться – ведь это врозь,
Мы же – сросшиися...

11
Разом проигрывать –
Чище нет!
Загород, пригород:
Дням конец.
Негам (читай – камням),
Дням, и домам, и нам.
Дачи пустующие! Как мать
Старую – так же чту их.
Это ведь действие – пустовать:
Полое – не пустует.

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Дачи, пустующие на треть,
лучше бы вам сгореть!)
Только не вздрагивать,
Рану вскрыв.
За город, за город,
Швам разрыв!
Ибо – без лишних слов
Пышных – любовь есть шов.
Шов, а не перевязь, шов – не щит,
– О, не проси защиты! –
Шов, коим мертвый к земле пришит,
коим к тебе пришита.
(Время покажет еще, каким:
Легким или тройным!)
Так или иначе, друг, – по швам!
Дребезги и осколки!
Только и славы, что треснул сам:
Треснул, а не расползся!
Что под наметкой – живая жиль
Красная, а не гниль!
О, не проигрывает –
Кто рвет!
Загород, пригород:
Лбам развод.
По слободам казнят
Нынче – мозгам сквозняк!
О, не проигрывает, кто прочь –
В час, как заря займется.
Целую жизнь тебе сшила в ночь
Набело, без наметки.
Так не кори же меня, что вкривь.
Пригород: швам разрыв.
Души неприбранные –
В рубцах!..
Загород, пригород...
Яр размах
Пригорода. Сапогом судьбы,
Слышишь – по глине жидкой?
...Скорую руку мою суди,
Друг, да живую нитку
Цепкую, – как ее ни канай!
По – следний фонарь!

...
Здесь? словно заговор –
Взгляд. Низших рас –
Взгляд. Можно на гору?
В по – следний раз?

12

Частой гривую –
Дождь в глаза. – Холмы.
Миновали пригород.
За городом мы.
Есть, – да нету нам!
Мачеха – не мать!
Дальше некуда.
Здесь околевать.
Поле. Изгородь.
Брат стоим с сестрой.
Жизнь есть пригород.
За городом строй!
Эх, проигранное
дело, господа!
Всё-то – пригороды!
Где же города?!
Рвет и бесится
Дождь. Стоим и рвем.
За три месяца
Первое вдвоем!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и у Иова,
Бог, хотел займы?
Да не выгорело:
За городом мы!

...
За городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешед вал.
Жизнь – это место, где жить нельзя:
Ев – рейский квартал...
Так не достойнее ль во сто крат
Стать Вечным Жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев – рейский погром –
Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! – всюду! – но не в
Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь
Овец – палачу!
Право-на-жительство свой лист
Но – гами топчу!
Втаптываю! За Давидов щит –
Мечь! – в месиво тел!
Ну упоительно ли, что жид
Жить – не захотел?!
Гетто избранничеств! Вал и ров.
По – щадь не жди!
В сем христианнейшем из миров
Поэты – жида!

13
Так ножи востряют о камень,
Так опилки метлами
Смахивают. Под руками –
Меховое, мокрое.
Где ж вы, двойни:
Суть мужская, мощь?
Под ладонью –
Слезы, а не дождь!
О каких еще соблазнах
Речь? водой – имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся, –
Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу – глажу –
Глажу по лицу.
Такова у нас, Маринок,
Спесь, – у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих...
Плачешь? Друг мой!
Всё мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти!
Жестока слеза мужская:
Обухом по темени!
Плачь, с другими наворачиваешь
Стыд, со мной потерянный.
Оди – накового
Моря – рыбы! Взмах:
...Мертвой раковиной
Губы на губах.
В слезах.

...
Лебеда –
На вкус. –
А завтра,
Когда

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Проснусь?

14

Тропою овечьей –
Спуск. Города гам.
Три девки навстречу.
Смеются. Слезам
Смеются, – всем полднем
Недр, гребнем морским!
Смеются! – недожным.
Позорным, мужским
Слезам твоим, видным
Сквозь дождь – в два рубца!
Как жемчуг – постыдным
На бронзе бойца.
Слезам твоим первым,
Последним – о, лей! –
Слезам твоим – перлам
В короне моей!
Глаз явно не туплю.
Сквозь ливень – перюсь.
Венерины куклы,
Вперяйтесь! Союз
Сей более тесен,
Чем влечься и лечь.
Самой Песней Песен
Уступлена речь
Нам, птицам безвестным,
Челом Соломон
Бьет, ибо совместный
Плач – больше, чем сон!

...

И в полые волны
Мглы – сгорблен и равн –
Бесследно, безмолвно –
Как тонет корабль.
Прага, 1 февраля – Иловици, 8 июня 1924

Поэма лестницы
Короткая ласка
На лестнице тряской.
Короткая краска
Лица под замазкой.
Короткая – сказка:
Ни завтра, ни здравствуй.
Короткая схватка
На лестнице шаткой,
На лестнице падкой.
В доме, где по ночам не спят,
Каждая лестница водопад –
В ад...

– стезею листков капустных!
Точно лестница вся из спусков,
Точно больше (что – жить! жить – жечь!)
Расставаний на ней, чем встреч.
Так, до розовых уст дорваться –
Мы порой забываем: здравствуй.
Тех же уст покидая край –
Кто – когда – забывал: прощай.
Короткая шутка
На лестнице чуткой,
На лестнице гудкой.
От грешного к грешной
На лестнице спешной
Хлеб нежности днешней.
Знаешь проповедь
Тех – мест?
Кто работает,
Тот – ест.
Дорого в лавках!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Тош – предприимчив.
Спать можно завтра,
Есть нужно нынче.
В жизненной давке –
Княжеский принцип:
Взять можно завтра,
Дать нужно нынче.
Взрывом газовым
Час. Да-с
Кто отказывал,
Тот – даст.
Даст!
(Нынче зубаст
Газ) ибо за нас
– Даст! – (тигр он и барс),

...
Ящик сорный,
Скажут, скажите: вздор,
И у черной
Лестницы есть ковер.
(Масти сборной,
Правда...) Чеснок, коты, –
И у черной
Лестницы есть Coty.
Любят сласти-то
Червяки теснот!
Это – классика:
Чердаку – чеснок.
Может, лечатся...
А по мне – так месть:
Черной лестницы
Черноту заесть.
Стихотворец, бомбист, апаш –
Враг один у нас: бэль-этаж.
Короткая сшибка
На лестнице щипкой,
На лестнице сыпкой –
Как скрипка, как сопка,
Как нотная стопка,
Работает – топка!
Короткая встрепка
На лестнице шлепкой,
На лестнице хлопкой.
Бьем до искр из глаз,
Бьем – в лёжь:
Что с нас взыскивать?
Бит – бьешь.
Владельца в охапку –
По лестнице каткой,
По лестнице хлипкой –
Торопится папка,
Торопится кепка,
Торопится скрипка.
– Ох, спал бы и спал бы!
Сжевала, сгноила, смолола!
Торопятся фалды,
Торопятся фалды,
Торопятся полы.
Судор'жь! Сутолочь!
Бег! Приз!
Сами ж путают:
Вверх? вниз?
Что этаж – свой кашель:
В прямой связи.
И у нашей
Лестницы есть низы,
Кто до слез, кто с корнем,
Кто так, кхи, кхи –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И у черной
Лестницы есть верхи.
– Вас бы выстукать!
– Киркой в грудь – ужо!
Гамма приступов
От подвала – до
Крыши – грохают!
Большинством заплат –
Маркса проповедь
На стравинский лад.
Короткая спевка
На лестнице плёвкой:
Низов голосовка.
Не спевка, а сплёвка:
На лестницу легких
Ни цельного – ловко!
Торопкая склёвка.
А ярости – в клохтах!
Работают – ох как!
Что ни бросите –
Всё – в ход.
Кто не досыта ест –
Жрет
Стол – как есть домашний:
Отъел – кладут.
И у нашей
Лестницы – карта блюд.
Всех сортов диета!
Кипящий бак –
Ауэтой
Лестницы – Франценсбад.
Сон Иакова!
В старину везло!
Гамма запахов
От подвала – до
Крыши – стряпают!
Ре-ми-фа-соль-си –
Гамма запахов!
Затыкай носы!
Точно в аду вита,
Раскалена – винта
Железная стружка.
Которая стопка
Ног – с лестницы швыркой?
Последняя сушка,
Последняя топка,
Последняя стирка.
Последняя сцепка
Двух – кости да тряпки –
Ног – с лестницей зыбкой.
Последняя папка,
Последняя кепка,
Последняя скрипка.
Тихо. – Даже – кашель
Иссяк, дотряс.
И у нашей
Лестницы есть свой час.
Тишины...
Последняя взбёжка
По лестнице дрожкой.
Последняя кошка.
Темнота все стерла –
И грязь, и нас.
И у черной
Лестницы есть свой час
Чистоты...
Откуда – узнай-ка! –
Последняя шайка –

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рейн, рухнувший с Альп, –
Воды об асфальт
Двора...

Над двором – узорно:
Вон – крест, вон – гроздь...
И у черной
Лестницы – карта звезд.

...
Ночь – как бы высказать?
Ночь – вещи исповедь.
Ночь просит искренности,
Вещь хочет высказаться –
Вся! Все унижены –
Сплошь, до недвижимых
Вплоть. Приступ выпренности:
Вещь хочет выпрямиться.
Винт черной лестницы –
Мнишь – стенкой лепится?
Ночь: час молитвенностей:
Винт хочет вытянуться.
Высь – вещь надежная.
В вещь – честь заложена.
Ложь вижу выломанной
Пря – мою линиюю.
Двор – горстка выбоин,
Двор – год не выгребен! –
Цветами, ягодами –
Двор бредит за городом.
Вещь, бросив вежливость:
– Есмь мел! Железо есмь!
Не быть нам выкрестами!
Жид, пейсы выпроставший.
Гвоздь, кафель, стружка ли
– Вещь – лоно чувствует.
С ремесл пародиями –
В спор – мощь прародинная.
Стекло, с полок бережных:
– Пе – сок есмь! Вдребезги ж!
Сти – хий пощечина!
Стекло – в пыль песочную!
Прочь, ложь и ломанность!
Тю – фяк: солома есмь!
Мат – рас: есмь водоросль!
Всё, вся: природа есмь!
Час пахнет бомбою.
Ве – ревка: льном была!
Огонь, в куче угольной:
– Был бог и буду им!
Что случилось с кранами?
– Пал – бог и встану им!
Чтоб сразу выговорить:
Вещь хочет выздороветь.

...
Мы, с ремеслами, мы, с заводами,
Что мы сделали с раем, отданным
Нам? Нож первый и первый лом,
Что мы сделали с первым днем?
Вещь как женщина нам поверила!
Видно, мало нам было дерева,
И железа – отвесь, отбей! –
Захотелось досок, гвоздей,
Щеп! удобоваримой мелочи!
Что мы сделали, первый сделавши
Шаг? Планету, где всё о Нем –
На предметов бездарный лом?
Мы – с ремеслами, мы – с искусствами!
Растянув на одре Прокрустовом
Вещь... Замкнулась и ждет конца

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вещь – на адском одре станка.
Слава разносилась реками,
Славу утверждал утес.
В мир – одушевленной некуда! –
Что же человек привнес?
Нужно же, чтоб он, сей видимый
Дух, болящий бог – предмет
Неодушевленный выдумал!
Лживейшую из клевет!
Вы с предметами, вы с понятиями,
Вы с железом (дешевле платины),
Вы с алмазом (знатней кремня),
(С мыловаром, нужней меня!)
Вы с «незыблемость», вы с «недвижимость»,
На ступеньку, которой – ниже нет,
В эту плесень и в эту теснь
Водворившие мысль и песнь, –
(Потому-то всегда взрываемся!)
Что вы сделали с первым равенством
Вещи – всюду, в любой среде –
Равной ровно самой себе.
Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и нудных пил,
С яблоком протягивало руку.
Человек – рубил.
Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии «металл»),
Твердо устанавливали: чудо!
Человек – взрывал.
Просвещенная сим приемом
Вещь на лом отвечает – ломом.
Стол всегда утверждал, что – ствол.
Стул сломался? Нет, сук подвел.
В лакированных ваших клетках
Шумы – думаете – от предков?
Просто, звезды в окно узрев,
Потянулся в пазах орех.
Просыпаетесь – как от залпа!
Шкаф разохся? Нет, нрав сказался
Вещи. Дворни домашний бал!
Газ взорвался? Нет, бес разыграл!
Ровно в срок подгниют перильца.
Нет – «нечаянно застрелился».
Огнестрельная воля бдит.
Есть – намеренно был убит
Вещью, в негодование стойкой.
В пустоту не летит с постройки
Камень – навыки таковы:
Камень требует головы!
Мечь утеса. – С лесов – мечь леса!
Обстановочность этой пьесы!
Чем обставились? Дуб и штоф?
Застрахованность этих лбов!
Всё страхующих – вплоть до ситки
Жестяной. Это ты – тростник-то
Мыслящий? – Биллиардный кий!
Застрахованность от стихий!
От Гефеста – со всем, что в оном –
Дом, а яхту – от Посейдона.
Оцените и мысль и жест:
Застрахованность от божеств!
От Гефеста? А шпиль над крышей –
От Гефеста? Берите выше!
Но и тише! От всех в одном:
От Зевеса страхуют дом.
Еще плачетесь: без подмоги!
Дурни – спрашивается – боги,
Раз над каждым язык неймет! –

Хочу у зеркала, где мать... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Каждым домом – богоотвод!
Бухты, яхты, гешефты, кофты –
Лишь одной не ввели страховки:
От имущества, только – сей:
Огонь, страхующий от вещей.

...
Вещи бедных. Разве рогожа –
Вещь? И вещь – эта доска?
Вещи бедных – кости да кожа,
Вовсе – мяса, только тоска.
Где их брали? Вид – издалёка,
Изглубока. Глаз не труди!
Вещи бедных – точно из бока:
Взял да вырезал из груди!
Полка? случай. Вешалка? случай.
Случай тоже – этот фантом
Кресла. Вещи? шипья да сучья,
Весь октябрьский лес целиком!
Нищеты робкая мебель!
Вся – чего? – четверть и треть.
Вещь – давно, явно на небе!
На тебя – больно глядеть.
От тебя грешного зренья,
Как от язв, трудно отвлечь.
Венский стул – там, где о Вене –
Кто? когда? – страшная вещь!
Лучшей всех – здесь – обеспечен,
Был он – дом? мало! – чердак
Ваш. Лишь здесь ставшая вещью –
Вещь. Вам – бровь, вставшая в знак
? – сей. На рвань нудную, вдовью –
что? – бровь вверх! (Чем не лорнет –
Бровь!) Горазд спрашивать бровью
Глаз. Подчас глаз есть – предмет.
Так подчас пуст и сух он –
женский глаз, дивный, большой,
что – сравните – кажется духом –
Таз, лохань с синькой – душой.
Наравне с тазом и с ситом
– Да – царю! Да – на суде! –
Каждый, здесь званный пиитом,
Этот глаз знал на себе!
Нищеты робкая утварь!
Каждый нож лично знаком.
Ты как тварь, ждущая утра,
Чем-то – здесь, всем – за окном –
Тем, пустым, тем – на предместьях –
Те – читал хронику краж?
Чистоты вещи и чести
Признак: не примут в багаж.
Оттого что слаба в пазах,
Распадается на глазах,
Оттого что на ста возах
Не свезти...

В слезах –
Оттого что не стол, а муж,
Сын. Не шкаф, а наш
Шкаф.
Оттого что сердцец и душ
Не сдают в багаж.
Вещи бедных – плоше и суше:
Плоше лыка, суше коряг.
Вещи бедных – попросту – души,
Оттого так чисто горят.

...
Ввысь, ввысь
Дым тот легкий!
Чист, чист

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Лак от локтя!
Где ж шлак?
Весь – золой
Лак, лак
Локтевой.
Прям, прям
Дым окраин.
Труд – Хам,
Но не Каин.
Обшлаг –
Вдоль стола.
Наш лак
Есть смола.
Стол – гол – на вещицы.
Стол – локтем вощится,
Воск чист, локоть востр.
За – стывший пот – воск.
Им, им – ваших спален
(Вощим, но не салим!)
Им, им так белы
Полы – до поры!

...
Вещи бедных – странная пара
Слов. Сей брак – взрывом грозит!
Вещь и бедность – явная свара
И не то спарит язык!
Пономарь – что ему слово?
Вещь и нищ. Связь? нет, разлад.
Нагота ищет покрова,
Оттого так часто горят
Чердаки – часто и споро –
Час да наш в красном плаще!
Теснота ищет – простора
(Автор сам в рачьей клешне).
Потолок, рухнув – по росту
Стал – уж горб нажил, крался.
Правота ищет помоста
Всё сказать! Пусть хоть с костра!
А еще – место есть: нары.
Ни луча. Лучная вонь.
Бледнота ищет загару
О всем том – помнит огонь.

...
Связь, звучанье парное:
Черная – пожарная.
У огня на жалованьи
Жизнь живет пожарами.
В вечной юбке сборчатой –
Не скреби, уборщица!
Пережиток сельскости –
Не мети, метельщица!
Красотой не пичканы,
Чем играют? Спичками.
Мать, к соседке вышедши,
Позабыла спичечный
Коробок...
– как вылизан
Пол, светлее зеркала!
Есть взамен пожизненной
Смерти – жизнь посмертная!
Грязь явственно сожжена!
Дом – красная бузина!
Честь царственно спасена!
Дом – красная купина!
Ваши рабства и ваши главенства –
Погляди, погляди, как валяются!
Целый рай ведь – за миг удушья!
Погляди, погляди, как рушатся!

Хочу у зеркала, где муть... Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Печь прочного образца
Протопится крепостца!
Все тучки поразнесло!
Просушится бельецо!
Пепелище в ночи? Нет – займище!
Нас спасать? Да от вас спасаемся ж!
Не топчите золотого пастбища!
Нас? Да разве спасают – спасшихся?
Задивившись на утро красное,
Это ясень суки выпрастывает!
Спелой рожью – последний ломтичек!
Бельевая веревка – льном цветет!..
А по лестнице – с жарко спящими –
Восходящие – нисходящие –
Радуги...

...
– Утро
Спутало перья.
Птичье? мое? неведемо.
Первое утро – первую дверью
Хлопает...

Спит поэма.

Июль 1926

Примечания

1

Даты, заключенные в угловые скобки, являются предположительными.

2

В раздел входят и циклы стихов, завершенные позже, но начатые в 1916 г.

3

Стихотворные циклы, составленные самой М. И. Цветаевой, – «Стихи о Москве», «Стихи к Блоку», «Подруга» (цикл, помещенный впереди, 1914 года) и др. – печатаются в нашем сборнике, как правило, не полностью.

4

Крест, на каком-то собрании сорванный с груди солдатом и надетый на грудь Керенскому. См. газеты лета 1917 г. (Примеч. автора.)

5

О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность...

Гёльдерлин. (Перевод автора.)

6

Memento mori – помни о смерти (лат.).

7 Здесь: память (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!